

18+

БОЙНЯ-I

АД НА ЗЕМЛІ

ИРИНА УАМАН ЯНКСЕ

Ирина Уаман Янксе
Бойня-1. Ад на Земле

«Издательские решения»

Уаман Янксе И. Л.

Бойня-1. Ад на Земле / И. Л. Уаман Янксе — «Издательские решения»,

Астронавты возвращаются на землю после длительной космической экспедиции. А там так же, как когда-то животных люди убивают и едят себе подобных. Что произошло и как быть дальше, живы ли родные. Им предстоит пройти ад на родной планете, которая им снилась весь полёт.

© Уаман Янксе И. Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Бойня-1 Ад на Земле

Ирина Леонидовна Уаман Янксе

© Ирина Леонидовна Уаман Янксе, 2026

ISBN 978-5-0071-4608-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-4610-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Предисловие

«Посвящается памяти мною убиенных живых существ реально, например, случайно на машине насекомых, и косвенно включая поедание мяса и рыбы в моей жизни...»

«ЭТОТ МИР ПРИНАДЛЕЖИТ И ИМ, НЕ ОТНИМАЙТЕ ЕГО, ЛЮДИ!»

Дорогой и уважаемый мною мой читатель, спасибо за то, что вы решили прочесть мою книгу. Моя повесть — триллер, но она написана мною с целью пропаганды вегетарианства и доброго отношения ко всему живому!

Безусловно, многие из вас осудят столь жестокий наглядный пример. Но если мы, люди, не представим себя на месте убиваемых нами животных, нам сложно воспринять всё кошунство злодеяний, учиняемых человеком над животными!

В книге приведены данные из научных исследований по медицине о пользе вегетарианства и вреде продуктов животного происхождения. Вы узнаете правду о скотобойнях и мясной индустрии. Прочтёте мнения великих людей о добре и зле, а не только мои размышления на этот счёт. Я сознательно написала художественную литературу, так как не каждый человек захочет копаться в документальных материалах, чтобы узнать всё это.

Если вам не безразлична судьба животных, то вы поймёте, почему я выбрала такой ход. К сожалению, большинство людей ни за, ни против вегетарианства. А если кто-то после прочтения моей книги станет вегетарианцем, я буду счастлива, потому что писала не зря. Ведь именно это являлось моей целью — рассказать всю правду, чтобы человек осознанно мог решить, быть ему вегетарианцем или нет. Я даже вставила цитаты умов человечества на этот счёт (обычно я в своих книгах этого не делаю), так как сочла, что одного моего мнения будет недостаточно.

Хотя одной правды, честно сказать, недостаточно, и главное зависит от самого человека, от его доброты, силы воли, смелости. Да, да, не удивляйтесь, сама по себе знаю, что быть не как большинство — нужна смелость! Знаю, что будут задавать вопросы, даже считать ненормальным и подсмеиваться над человеком, решившим стать вегетарианцем. Вот тут-то и требуется чётко отстоять свой выбор, показать себя как независимую личность. И без смелости, стойкости, истинной любви к животным и силы воли и духа никак не обойтись! Но зато как же приятно осознавать, что ты живёшь и никого не убиваешь!

Удачи вам стать вегетарианцами и приумножить свои добрые дела, спасти жизни живых существ, которые так же, как и мы с вами, чувствуют боль и хотят жить!

Книга уже издавалась в 2009 году. Авторские права первого издания принадлежат — Ирина Уаман Янксе и АНБО по защите животных «Клуб добрых сердец». Я доработала повесть под настоящее время и представляю её вам.

В своих книгах я обязательно пишу о жизни, социальных проблемах, стараюсь глубоко раскрыть характеры героев и не важно триллер это или драма, трагедия. Считаю, что книга должна сподвигать читателя мыслить. Книги, которые не дают пищу для ума мне не интересны. Кому нужен голый сюжет можно всё о жизни пропускать.

С добром и любовью к вам, мои дорогие читатели. Будьте добрыми ко всему живому в жизни!

Глава 2

«Как бы мы там не были не довольны своей Родиной, как бы мы от нее не отрекались и не хаяли, что-то внутри нас все равно навсегда остается там, в том месте, где прошло наше детство и где мы начали познавать мир».

Ирина Уаман Янксе

Когда главный бортовой компьютер сообщил о неисправности компьютера автоматического управления, тотчас весь экипаж собрался по тревоге в отсеке управления.

Командир корабля, мужчина лет шестидесяти, с волевым лицом и усталым, но пронзительным взглядом, отдал напряжённому экипажу команду:

— Немедленно займитесь устранением неисправности! Я сам поведу корабль!

Астронавты тотчас принялись выполнять его команду. Но как они ни старались, ничего не могли поделать. Автоматическое управление корабля наотрез отказывалось работать, и никто из членов экипажа не мог объяснить, почему и по какой причине оно вдруг стало неисправным. Вполне возможно, что это произошло потому, что при последнем приземлении на одной из звёзд корабль слегка пострадал из-за сильной силы притяжения этой планеты.

Спустя пару часов бесплотных попыток главный техник Том, полный кудрявый конопатый рыжеволосый мужчина лет сорока, с наивным выражением лица, доложил командиру:

— Сожалею, сэр, но мы ничего не можем сделать. Я не нашёл поломки, с виду всё работает нормально!

— Что ж, придётся пользоваться ручным управлением при посадке на Землю. Но продолжай искать, в чём причина, — лицо командира, испещрённое морщинами, пролежавшими следами прожитых лет и делавшими его старше, чем он был на самом деле, было сосредоточено на просторах Галактики.

Глава 3

«Что имеем, не храним, потерявши — плачем» — русская народная пословица.

Собравшись в столовой, астронавты разоткровенничались, хотя до этого все эти четыре космических года держались обособленно, чего и требовал устав астронавтов дальних космических полётов (хотя, конечно, имели место и исключения). Но как сильно людей сближает что-то общее, будь то горе или радость, хорошее или плохое, а уж в особенности надежда.

Началось всё с вопроса Керли, астронавтки, блондинки лет тридцати семи, с большими серыми выразительными глазами. Керли выглядела немного наивной и слишком доверчивой, а между тем она была решительной и волевой особой.

— Джон, почему ты отправился в этот полёт?

Подобный вопрос раньше никто никому не задавал. Но сейчас все подсознательно ощущали себя как бы одной семьёй, ведь у всех у них была общая радость — приближение к Земле.

Джон — темноволосый, весьма симпатичный молодой мужчина, имеющий причёску ёжиком и выразительные карие глаза, всегда таящие в себе напряжение и загадочность, которая, как правило, бывает у людей, слишком тяжело прокладывающих путь с низов хоть к какому-то благополучию в этой жизни.

— Я женился на очень красивой девушке, но у нас совершенно не было денег. Затем родился сын, и жена стала ещё больше попрекать меня в том, что я ни на что не годен. Видя, что в будущем мне не представится больше никакой возможности разбогатеть, я, успешно пройдя медицинское обследование, поступил в космическую академию на курсы подготовки астронавтов для сверхдальних полётов. Я знал, что такие астронавты получают хорошие деньги, даже очень хорошие. Спустя четыре года я на «отлично» окончил академию, ещё три года стажировался, зарекомендовал себя хорошо и, наконец, был направлен вот в этот полёт. Я, конечно, был шокирован, узнав, сколько лет пройдёт на Земле, пока мы вернёмся обратно! Но отступать было поздно, потому что я, как и любой астронавт, обучающийся в академии, не имел уже права отказаться от контракта, будь то полёт на десять земных лет или, как этот, на пятьдесят. Впрочем, вы и сами это знаете.

— Ты привезёшь на Землю свою моду, и все парни примутся снова носить серёжку в одном ухе, — с усмешкой поддела Джона Ким, мускулистая, благодаря постоянным занятиям культуризмом, астронавтка лет тридцати пяти, с короткой стрижкой, не только своим внешним видом, но и манерой поведения походившая на мужчину.

Прежде всего в жизни Ким думала о своей карьере и о своей физической подготовленности. Она отправилась в этот полёт вопреки воле своих родителей. Для Ким мать и отец всегда были на втором плане, прежде всего она, а она с детства жаждала опасной престижной профессии с возможностью карьерного роста.

За четыре года, проведённых астронавтами в космосе, никто из них внешне особо не изменился, но с теми людьми, которых они оставили на Земле, за пятьдесят лет, естественно, произошло многое. Это обстоятельство постоянно тяготило астронавтов, и чем ближе становилась Земля, тем им было тяжелее. Сейчас каждый невольно думал о своей семье, родственниках, друзьях.

— Твой сын, Джон, наверно, уже стал отцом, а может быть, и дедушкой, — предположил Майк, кудрявый черноволосый со смуглой кожей худой парень лет двадцати восьми, с огромными карими глазами, всегда очень подвижный и лёгкий на подъём.

Все с осуждением посмотрели на него. Ещё бы, родители астронавтов, да и не только родители, даже их сверстники, могли вполне не дожить до их возвращения на Землю. Навер-

няка кто-нибудь из их семей уже умер. Разумеется, что каждый из них в той или иной степени осознавал чувство вины.

Но что толкает людей покидать родной кров, расставаться со своей бывшей жизнью? Чаще всего бедность, неустроенность, безысходность, нелюбовь или непонимание близких, нереализованность, а вот самолюбие и гордыня реже толкают людей на расставание с привычной для них жизнью.

У каждого из астронавтов были свои причины, и за редким исключением эти причины были болезненными и печальными. Но так устроена земная жизнь: ох как редко кто из живущих людей на Земле может сказать, что он удовлетворён своей жизнью.

А что касается счастья, так его просто выдумали сами себе люди, как они и выдумали много ещё чего, чтобы, обманывая себя, надеяться и ждать, и хоть как-то жить в этом жестоком земном мире, заставляя себя думать, что завтра будет лучше, чем сегодня. Но... у большинства людей завтра бывает хуже, чем сегодня.

Когда человек зрелого, а тем более преклонного возраста оглядывается назад, то понимает, что всё более или менее хорошее осталось там, позади. Вот так печальна человеческая жизнь, но, увы, других вариантов, по крайней мере, на Земле нет. Да и вне Земли, наверное, тоже. Жизнь любого живого существа — это страдания, верно подметил, кажется, Шопенгауэр.

Майк понял, что не стоит говорить о грустном, и, восторженно, немного извиняющимся тоном, но оптимистично заявил:

— Вот мне нечего терять. Я воспитывался у дяди, который был самое настоящее чудовище. Он меня частенько очень жестоко избивал, и я его возненавидел. Мои родители погибли в аварии, и дядя взял надо мной опеку из-за пособий. Ну, с пособий на меня дядюшка даже пластмассовых солдатиков не купил. Он так меня прижимал, что даже есть толком не давал! Игрушек, книжек у меня никогда не было, а одевался я — так это надо было видеть! Да что там, как только я стал совершеннолетним, дядя тотчас вышвырнул меня на улицу. Дядя и в детстве заставлял меня зарабатывать деньги, которые брал всегда себе. Естественно, никаких хороших воспоминаний о дяде у меня не осталось. Единственное хорошее событие, ожидающее меня — это гонорар за полёт! На эти деньги я, не бедствуя, могу прожить до глубокой старости!

Майк натужно рассмеялся, но всем было понятно, что ему вовсе не смешно.

Красивый голубоглазый блондин, обладатель длинных пушистых чёрных ресниц и классно сложенной фигуры, тридцати восьмилетний Джорден. Джорден являлся супругом Керли. Оба они выросли в одном детдоме.

— Джон, но как же ты мог оставить жену, да ещё с ребёнком?! Она стала теперь старой и явно жила несладко! — негодуя, заявил Джорден. — Я и представить себе не могу, чтобы я когда-нибудь даже помыслил о разлуке с женой. Я согласился лететь, потому что у меня нет родных, ну, кроме нашей планеты. Но если бы у меня на Земле были хоть какие-нибудь родные, я бы ни за что не полетел, ни за какие деньги, а ты...

— Ты хотел сказать, что, возможно, моя жена не состарилась, а умерла? — без каких-либо эмоций перебил Джордона Джон.

Джорден махнул рукой, словно отгоняя мрачные мысли:

— Нет. Я не хотел этого сказать. А вообще ты не поймёшь. Это же твоя жена! Твоя жена! Понятно! — Керли, возмущённая хладнокровием Джона, была вне себя от возмущения, такой её за время полёта коллеги ещё не видели.

— Да, жена — это верно. Но я часто в полёте думал, а любил ли я её когда-нибудь. Хотя иногда я ловлю себя на мысли, что поступил опрометчиво, отправившись в этот полёт.

— Твоя жена, наверно, была против, чтобы ты летел? — спросил Джорден, пристально глядя на Джона.

Все следили за разговором, и явно было, что большинство находившихся в столовой астронавтов осуждали поступок Джона. Ещё бы, оставить жену и ребёнка, да ещё в бедности на пятьдесят лет — это всё равно что уйти из семьи в момент, когда семья нуждается.

— Мы сильно поругались. Для неё богом были деньги, и только деньги. Я хлопнул дверью и ушёл. Конечно, сейчас я жалею об этом. Но ведь многие из нас сейчас проклинают себя за то, что выбрали этот путь, не так ли?! — Джон изобразил на своём лице ехидную улыбку.

— Ну и подлец же ты! — Керли вся кипела от негодования, в её всегда добрых либо мечтательно-задумчивых глазах сверкали искорки злости и ярости, она даже вскочила со своего места.

Члены экипажа с интересом и даже с неким удивлением наблюдали за всегда сдержанной Керли. Ведь в каких только передрыгах им пришлось побывать во время полёта, но Керли всегда проявляла отличное самообладание.

— Керли, прекрати! — Джордон взял жену за руку и усадил на место. — Билли, а ты почему оказался в этом полёте?

Керли подчинилась мужу. Её разум осознавал, что ссоры на корабле неуместны. Да ещё на исходе полёта, когда у экипажа нервы и так на пределе, да ещё и эта поломка, но... Керли продолжала с ненавистью, испепеляющим взглядом взирая на Джона, хотя и молчала. Для Керли, всю свою жизнь доброй и справедливой, Джон являлся подлым предателем и негодяем.

Билли являлся самым молодым в экипаже астронавтом, ему едва исполнилось двадцать четыре года. Светловолосый парень, похожий больше на ребёнка отчасти из-за своих длинных выющихся локонов, отчасти из-за беспорядочных веснушек и больших невинных голубых глаз. По характеру Билли был наивен, искренен, добр и слишком мягок. Он казался человеком, не вышедшим из детского возраста, навсегда оставшимся ребёнком. Это было и прекрасно, и тяжело для него.

На по-детски искреннем лице Билли, никогда не умевшем скрывать его чувства, явно читалось, что ему не хотелось говорить о себе. Однако он поддался воле товарищей и, тяжело вздохнув, печально произнёс:

— Я не знаю... Мы с мамой всегда жили в бедности. У меня не было отца — он умер, когда я был совсем маленький, и я его совершенно не помню. Бедность — это страшно. Поэтому я считаю, что счастье возможно лишь при деньгах.

Моя мать сама поддержала, точнее, подтолкнула меня отправиться в этот полёт, хотя и очень боялась за меня. Но это был наш единственный выход выбраться из нищеты. Так считала она, и так считал я. Наверное, она думала, что... — Билли запнулся, сглотнул и, сделав усилие, чтобы не заплакать, продолжил:

— Ужасно, если я не застану свою мать в живых. Как плохо то, что на нашем корабле связь с Землёй на дальних расстояниях невозможна. А ведь неизвестность — самое страшное. Я ничего не знаю про свою мать. Эх, если бы знать, как она! Она обещала меня дожидаться! Она же родила меня в шестнадцать, совсем молодая была, когда я улетаю!

Билли взглядом ребёнка, ищущего помощи у взрослых, посмотрел на своих серьёзных товарищей. Его опасения подтвердились. Напрасно он пытался обмануть себя. Его матери сейчас девяносто, и вряд ли она жива. До девяноста лет люди доживают редко. По-видимому, мать убеждала сына, что дождётся его лишь для того, чтобы хоть один из них выкарабкался из нищеты.

— До девяноста лет люди доживают, и не единицы. Она обещала. Обещала, — на глазах Билли выступили слёзы, и он опустил голову, стараясь не расплакаться при всех.

Все молчали, понимая, что, скорее всего, Билли вряд ли увидит свою мать. Билли, не поднимая головы, тихо, дрожащим голосом произнёс:

— С мамой остался наш пёс, мой любимый пёс, которого мы выбрали как-то на улице щенком. Его кто-то выбросил. Это был очень хороший, умный пёс. Мне часто снится моя мать,

моя собака, как мы жили в детстве. Я раскаиваюсь, очень раскаиваюсь. Если бы всё вернуть назад. Оказывается, самое ужасное теперь... — парень не удержался и, всхлиывая, выбежал из столовой.

Керли стало очень жаль этого несчастного паренька, желавшего лишь одного — жить со своей мамой и собакой, а не умирать от нищеты. Астронавты молчали, думая каждый о своём. У каждого из них была причина и волноваться, и испытывать горечь, и корить себя.

Кстати, о старости. Только видя рядом с собою старость, понимаешь, как она страшна и беспомощна, зачастую даже уродлива. И не только от самого старого человека, увы, зависит, какой будет его старость — страшной и мучительной или спокойной и мудрой. Но и от того, кто находится в этот момент рядом с ним. Вот, наверное, главная причина того, что люди так стремятся иметь детей, потому что подсознательно заботятся о себе, о своей жизни в старости.

Каково же людям, обречённым никогда не иметь своих детей? Их всю жизнь, как только они начинают понимать, каково истинное лицо старости, тяготит приближение этого неизбежного момента жизни, когда они превратятся в немощных стариков и им будет требоваться посторонняя помощь!

Конечно, можно оплатить услуги чужого человека по уходу, но никогда ведь оплаченная любовь не бывает искренней. Ни за какие деньги, ни за какое наследство нельзя получить истинную любовь, идущую от сердца человека, в которой так нуждаются старики. Своевременная помощь и уход — это ведь только полдела и не даёт немощному человеку ощущения душевного равновесия. Без искренней любви и заботы старик всё равно будет ощущать дискомфорт и свою неполноценность.

Можно, конечно, усыновить чужого ребёнка, но где гарантия, что рано или поздно (и нет здесь однозначного ответа, когда именно лучше), узнав, что он не родной, он останется искренним в чувствах к приёмным родителям? Хотя так же мы видим множество примеров в жизни, когда родные люди не испытывают друг к другу любви, и родные дети относятся к родителям хуже, чем чужие люди!

То же самое можно сказать и в отношении родителей к детям. Есть родители, которые стараются сохранить своё здоровье, чтобы как можно меньше обременять своих детей и помогать им. А есть те, кто, сославшись на свою немощность и болезни, выискивают любой повод, чтобы усугубить жизнь любящего их чада, иными словами — сесть к нему на шею, эгоистично не задумываясь, что тем самым они отчасти лишают его личной жизни.

Как правило, эгоистичные, не думающие ни о ком, кроме себя, старики, заканчивают либо (если дети неискренни в чувствах к ним) в одиночестве, либо оказываются оформленными своими же детьми в дом престарелых. Но того хуже — становятся сумасшедшими отчасти не по причине своих болезней, а из-за своего упрямого нежелания жить обдуманно и воспринимать рядом живущих людей так же, как самого себя, считаясь с их интересами.

Но самое страшное — такие вредные, эгоистичные люди, как правило, ломают жизнь тем людям (в первую очередь своим детям), которые их искренне любят! Не получая от родителей ни заслуженной благодарности, ни ответной любви, эти благородные, чуткие и, надо сказать, редкие создания приносят свою жизнь в жертву прародителям, тем самым убивая свою жизнь, теряя себя как целостную личность.

Вы скажете, получается тупиковая ситуация, если старики-родители — эгоисты? Да, именно так. Либо ребёнок становится жестоким подлецом (а иначе это назвать нельзя), когда дети избавляются от родителей, скидывая с себя ношу ответственности и отправляя их в дом престарелых, или, сбегаая от проблем, отдаляются от них, оставляют их одних наедине с немощью старости. Либо эгоизм и нелюбовь родителей растаптывает личную жизнь любящего их, заботливого ребёнка. Других вариантов в данном случае попросту быть не может!

Поэтому можно сказать так: не только старость зависит от детей, но и качество жизни детей зависит от старости родителей. От того, какими они будут в старости — в этом неиз-

бежном, болезнях и неможности жизненном отрезке. И родителям не менее чем детям надо подумать об этом, чтобы не видеть своих детей мерзавцами или растоптанными личностями. Вот в этом и есть мудрость старости.

Правда, в ситуации с Билли его отлёт произошёл с подачи матери, и к вышеупомянутым мерзавцам астронавта никак нельзя было отнести. Скорее наоборот, любящий сын принёс себя в жертву, ведь если бы он не любил свою мать искренне, он бы сейчас не переживал так за неё, а уж тем более не упрекал себя за этот сделанный им выбор.

Неожиданно дверь открылась, и вошёл командир корабля. Все с удивлением посмотрели на него. Командир понял, в чём дело:

— Не волнуйтесь, корабль ведёт Стив. Я хоть и командир, но мне тоже требуется отдых, — он усмехнулся и продолжил: — Что вы сделали с Билли и почему вы не пошли спать?!

— Нам тут взбрело в голову познакомиться поближе, рассказать каждому свою историю и почему тот или иной из нас отправился в этот полёт. У Билли история оказалась печальной, вот он и не выдержал! — с иронией пояснила Ким.

Командиру явно не по душе пришлось её ирония, и он, пристально глядя на членов экипажа, решительно заявил:

— А хотите выслушать мою историю?

Астронавты, явно не ожидая подобного откровения от этого скрытного человека, начали недоуменно переглядываться, но всех опередила Керли:

— Конечно, хотим, командир!

Командир удостоил их умудрённым взглядом, лицо его погрузнело, предаваясь воспоминаниям, он смотрел на членов экипажа, но не видел их лиц, его мысли были поглощены прошлым. Каким-то глухим, несвойственным ему голосом командир корабля начал говорить:

— Да, кто из нас сейчас не сожалеет. У меня жена и дочь погибли в автокатастрофе. И вот я, уважаемый астронавт-профессионал, который летал, как все нормальные астронавты, в полёты длительностью не более года, направился сюда, оставив старушку-мать на попечение своего брата. Увы, я не мог видеть то, что осталось от моей семьи: наш большой дом, счастливые семейные фотографии, детские игрушки, платья жены, ну вообще всё. Хотел всё забыть. Меня тогда жизнь не интересовала. Только бы не вспоминать.

Командир замолчал, уставившись в блестящую столешницу. Воцарилась долгая пауза, и снова именно Керли подтолкнула товарищей к откровению. Может, она считала, что так будет лучше? Ведь как говорят: «Выговоришься — и на душе полегчает».

— А ты, почему здесь, Тони? — нарушила тишину Керли.

Тридцати восьмилетний астронавт с густыми каштановыми волосами и неестественно зелёными, прямо-таки изумрудными глазами, Тони был из тех людей, которые всегда стремятся вовремя прийти на помощь и быть полезными другим. Он жил больше для других, нежели для себя. Хотя, как часто бывает с подобными людьми, они обычно остаются непонятыми теми, кому искренне, как только могут, стремятся помочь.

— Я? — Тони явно не ожидал, что именно сейчас спросят его, и несколько растерялся. — Я... Моя мама заболела раком. Я один у неё. Мы не бедствовали, но и не были богаты. Родственники были рады прийти к нам в гости, пока мама не заболела, а потом... вообще мы с мамой остались совсем одни, без родственников и без друзей. И так как её нужно было вылечить... — Тони глубоко вздохнул, перевёл дыхание и, всё же сдержав слёзы, душившие его от воспоминаний пережитого в прошлом, продолжил: — Вообще маму долго лечили, но это ни к чему не приводило. Её болезнь прогрессировала. И тогда я продал наш дом, свою машину, вообще всё то, что мог продать, и отвёз маму в онкологический институт, где её заморозили до того времени, когда болезнь станет излечимой. На бесполезное лечение мамы ушло много денег, и даже продав всё, мне удалось оплатить услуги института по заморозке, а за размораживание мамы предстояло ещё доплатить. Так что единственным выходом для меня было

отправиться в полёт и хорошо заработать, да и убить как-то время. Надеюсь, что теперь люди на Земле уже научились лечить рак. И у меня есть деньги для спасения моей матери, а это главное.

— Тебе повезло, Тони. Ты вернёшься в прошлое... Если бы я мог вернуться в своё прошлое... — вступил в разговор Том, «вынужденный» холостяк.

Такие, как он, обычно не нравятся женщинам, хотя, как правило, обладают покладистым характером, зачастую имеют массу достоинств, несвойственных красавцам. Вот и Том отлично готовил, прекрасно разбирался в технике, а что касается компьютеров, ему здесь не было равных, да и хозяином, семьянином вышел бы из него превосходный, но Том ни разу не был женат.

— Мои родители — астронавты, они, наверное, погибли, но официальная версия — пропали без вести. Как только я окончил школу, я сразу, не раздумывая, отправился в космическую академию. Моё решение искать родителей, даже если придётся делать это всю мою жизнь, возникло сразу, едва я шестилетним мальчиком узнал о случившемся. Единственное, моя надежда — это верить, что они живы. Хотя данные, полученные с борта корабля, на котором отправились в полёт мои родители, неутешительны: их корабль терпел бедствие и подавал сигналы SOS.

— У тебя ведь это не первый полёт, верно? Ты что, не знаешь, где искать своих родителей? — спросил любопытный Майк.

— Нет. Корабль, на котором они находились, сначала посылал сигналы бедствия, а потом исчез бесследно. Именно в тех районах Галактики, где побывали и мы в этом полёте. Я надеялся, я верил в тот один процент случайности, но ничего не произошло.

Том обхватил голову руками. Рик — огромный мускулистый астронавт с квадратным лицом и никогда не выдающими его чувств стального цвета глазами — встал со своего места. На вид ему было лет тридцать.

— Ну, вы, ребята, даёте! Если бы я был человеком, я бы никогда, ни за какие деньги не отправился сюда.

Все присутствующие удивлённо переглянулись. Все, кроме командира корабля. Он сохранял абсолютное спокойствие, как будто всё знал заранее. Но команда насторожилась, и ещё бы: киборгов на корабле не было, если верить полученной от Центра полётов перед вылетом инструкции.

— Ты киборг?! — удивлённо воскликнул Майк.

— Нет, — обыденно ответил ему, да и, пожалуй, всем Рик.

Он говорил твёрдо, но, глядя на напряжённые лица астронавтов, понял, что они ему не верят. Тогда Рик достал небольшой нож и хладнокровно надрезал себе кожу на руке. В ране тут же показалась кровь.

— Прекрати! — приказным тоном сказал командир.

— Хорошо. Но разрешите, командир, и мне рассказать, кто я, в противном случае ребята не успокоятся, пока не докопаются до правды. Хотя, если вы против и считаете это разглашением секрета вооружённых сил, то...

— Можешь рассказать о себе, раз уж до этого дошло, — командир был явно недоволен поворотом событий.

— То, что я вам сейчас продемонстрировал, это просто доказательство того, что я — человек. Я искусственно рождённый человек, научно разработанный индивидуум, обладающий повышенными физическими данными, то есть большей силой, более быстрой реакцией, чем обычные люди. Во мне заложено это в генах, я как бы опыт. А помимо опыта — больше ничего. И, естественно, у меня нет родителей. Я принадлежу науке, а потому и нахожусь здесь. У меня никто не спрашивал, хочу ли я этого. Я — человек-машина.

Все присутствующие астронавты с удивлением переглядывались и с нескрываемым интересом косились на невозмутимого Рика, лицо которого оставалось непроницаемым. Невооружённым взглядом было ясно, что команда напряглась.

— Всем на отдых и постарайтесь выспаться! — решительно приказал командир, осознавая, что подобное состояние команды в сложившейся ситуации может усугубить и без того тяжёлую, нервную обстановку. — Джорден, Рик, Том, смените дежурных, остальные — по отсекам для отдыха, и без фокусов! — последние слова командир произнёс с особой строгостью.

Командир первым вышел из столовой, за ним — дежурные. Оставшиеся астронавты, хотя и жаждали обсудить столь неожиданную для себя информацию, знали, что дисциплина на корабле должна быть железной, а приказ командира — закон для членов команды. Поэтому всё же нехотя покинули столовую и отправились отдыхать, хотя в сложившейся ситуации вряд ли кто из них мог заснуть, ну разве что Ким, владеющая стальными нервами и озарённая своей карьерой.

Она была уверена в себе и своих силах, и ничто не могло поколебать её решимости достичь поставленных целей. Ким всегда шла напролом, не боясь трудностей и препятствий, что делало её незаменимым членом экипажа в критических ситуациях.

Несмотря на внешнюю жёсткость и порой резкость в общении, Ким была предана команде и готова была поддержать любого товарища, когда это было действительно необходимо. Её карьера астронавта была построена на стремлении к совершенству и постоянном самосовершенствовании.

В глубине души Ким понимала, что предстоящая посадка будет настоящим испытанием для всех, и особенно для командира, которому предстояло принять самые важные решения. Но она верила в успех миссии и в способности каждого члена экипажа справиться с любыми трудностями.

Эта вера в команду и в себя помогала ей сохранять спокойствие и ясность мышления даже в самых напряжённых ситуациях, что было крайне важно для успешного завершения их длительного космического путешествия.

Глава 4

«Здание истины не может быть сооружено на зыбкой почве скепсиса. Все большие и большие, проникаясь скептицизмом, наша духовная жизнь прогнивает. Поэтому мы живем в мире, который полон лжи. Нас губит стремление организовать и истину».

Альберт Швейцер

Так в напряжённом ожидании предстоящего им будущего прошли долгих семь дней. Участники космической Одиссеи лишились аппетита и раздражались по каждому поводу, страх неизвестности действовал даже на психику астронавтов.

Откровенного конфликта, охватившего бы всю команду, на борту пока не было, хотя в таком напряжённом ожидании (ведь многие уже засомневались, а не безнадёжна ли их ситуация) бунты в коллективах — естественное явление.

Возможно, подобное случилось бы и здесь, но мудрость командира корабля, поддержка дисциплины в команде сознательными и стойкими к трудностям астронавтами, такими как Керли, Джордон, Рик, Том, Ким и, главное, Стив, не позволяли этому произойти.

Стив был рослый, мускулистый мужчина лет 39, с непроницаемым лицом, с бесстрастным и в то же время хладнокровным, мужественным взглядом. Его взгляд красноречиво говорил, что такого человека крайне трудно вывести из себя, а его характер и силу воли, пожалуй, невозможно сломить. Стив был крайне молчалив, и в команде о его прошлом знал лишь командир. Да и то только, что он был неоднократным чемпионом по карате и служил в спецвойсках до того, как стал астронавтом. Блестяще окончив космическую академию, он принялся выполнять спецсекретные задания в космосе.

Известно было также, что он сам проявлял стремление к сверхдальним полётам. Да и то все эти сведения были получены от Центра полётов. Сам же Стив о себе ничего не рассказывал, он только отлично справлялся со своими обязанностями и проявлял завидную смелость и мужество во время опасностей, не раз настигавших команду. За это его уважали, и теперь в период крайней напряжённости, сложившейся в команде, его и командира несостоявшиеся бунтари слушались.

Ким ёрничала над разнервничавшимися членами экипажа, обзывала их трусами и тем самым, задевая самолюбие скандалистов, тоже вносила свою лепту. Керли и Джордон, наоборот, старались успокоить людей и дать им веру в то, что всё будет хорошо.

Бесновались больше всех, нагнетая и без того напряжённую обстановку, Джон и Лео. Джон откровенно возненавидел Рика и без всякого повода цеплялся к нему и оскорблял, хотя Рик оставался непробиваемым на выходки Джона. Двадцатидевятилетний голубоглазый красавец-блондин Лео слыл скандалистом, а в теперешней ситуации его вспыльчивая натура проявилась как никогда. Надо заметить, что на Земле этот напыщенный забияка был отъявленным двоечником и хулиганом ещё со школы. По слухам, Лео взяли в астронавты лишь благодаря его отцу-миллионеру, дружившему с большими начальниками в космическом Центре.

Лео совершал несуразные поступки, кичился, особенно перед женским полом своей храбростью, вот отец и поддался уговорам сына пристроить его в астронавты, полагая, что если сын сломает себе голову на Земле, это будет обиднее, чем если он погибнет в космосе, автоматически став героем-астронавтом. К тому же Лео с детства мог выпросить у отца всё, что ему взбрело в его бесшабашную голову. Он был у миллионера единственным сыном. Мать Лео умерла от лейкопении, когда он был ещё маленьким мальчиком, и посему отец души не чаял в сыне и во всём ему потакал.

Но вот сын как на Земле не обращал внимания на заботу, любовь и страдания отца, так и, отправившись в этот полёт, он нисколько не задумался, что отец уже не молод и вряд

ли увидит своего отца по возвращении. Отец же, безумно любя сына, пошёл на такой шаг по настоянию Лео и отчасти опасаясь, что на Земле сын либо покалечится, убьётся, гоняя с бешеной скоростью на мотоцикле и увлекаясь всевозможным экстримом, либо станет отъявленным наркоманом или пьяницей. Ему, разумеется, было тяжело, осознавая, что больше никогда не увидит своего единственного сына, но он счёл, что так будет лучше для Лео.

Кстати, в выпавших на долю экипажа опасностях Лео особой храбростью не отличился, а вот его болтовня, нагоняющая не только напряжение, но и провоцирующая панику, изрядно всем надоела. Вот и сейчас он постоянно твердил, что им всем конец и Земли им не видеть, как своих ушей. Оптимистические доводы отдельных членов экипажа Лео не волновали. Он привык слушать только себя и требовать, чтобы все окружающие во всём ему потакали.

Парень, который уже достал коллег за всё время полёта, в эти напряжённые дни стал особенно невыносим. И как ни старались члены экипажа не обращать внимания на его «страшилки», некоторым от его болтовни становилось не по себе. Увы, изолировать провокатора от коллектива на космическом корабле было невозможно. Оставалось только терпеть этого высокомерного, самоуверенного выскочки, который сам не верил в то, что говорит.

Самым спокойным, хотя и внешне решительным, был Бред. Даже командир корабля, несмотря на свой статус, иногда проявлял беспокойство, и это было понятно — именно он отвечал за благополучное возвращение корабля и всех членов экипажа на Землю.

Бред же оставался невозмутимым. Он родился в семье астронавтов и с детства «заболел» космосом. Родители не противились такому опасному выбору сына. Они сами не представляли своей жизни без космических полётов, хотя их миссии длились не более года.

Но время шло, и когда сын сообщил им (к тому времени уже жившим с дочерью) о своём решении отправиться в длительный экспериментальный полёт, они, как ни странно, поддержали его выбор. Расставание было непростым, но их отличник и в школе, и в академии, уже хорошо зарекомендовавший себя астронавт, начитанный, хотя и не очень физически развитый сын, всё-таки был отправлен в этот полёт к неизведанным далям.

Во время всего полёта Бред, тридцатичетырёхлетний мужчина с белобрысыми волосами и бледным лицом, особой храбростью не отличался, но во всех передрыгах вёл себя спокойно и рассудительно. Благодаря своему интеллекту он не раз выручал команду.

В эти напряжённые дни эрудит Бред, когда был свободен от основных обязанностей, читал книги, которых на своём ноутбуке прихватил в полёт несметное множество. У его коллег создавалось впечатление, что «ботаник» попросту знает, что его ждёт на Земле. Отчасти это было так — родители и сын перед его отлётом всё обсудили. Может, это и жестоко, но такова была их общая семейная любовь к космосу, а особенно к неизведанному землянами космосу.

Бред продолжал оставаться главным источником знаний и спокойствия на корабле. Его способность сохранять хладнокровие в самых сложных ситуациях вселяла уверенность в остальных членах экипажа.

Несмотря на внешнюю неспортивность, его умственные способности не раз выручали команду из трудных положений. Бред был тем человеком, который мог найти решение там, где другие видели только проблемы.

Его обширные знания и умение концентрироваться на задаче делали его незаменимым членом экипажа. Даже в самые тревожные моменты он находил время для чтения и самообразования, что помогало ему сохранять ясность мышления и способность к анализу ситуации.

Этот необычный астронавт, воспитанный в семье покорителей космоса, продолжал следовать своему призванию, доказывая, что интеллект и знания могут быть столь же важными для успеха миссии, как и физическая сила.

Глава 5

«В человеке вложены только задатки добродетели. Дело человека в том, чтобы растить их в себе».

Л. Н. Толстой

Бунта на корабле так и не произошло. На исходе седьмого дня, когда многие астронавты, за исключением дежурных, уже спали или пытались уснуть, по громкой связи, соединяющей все отсеки корабля, раздался радостный крик Майка, в это время дежурившего у мощнейшего телескопа (кстати, по приближению к Земле у телескопа дежурили круглосуточно).

— Земля! Земля! — орал Майк вне себя от радости, орал так, словно сошёл с ума.

Весь экипаж тотчас столпился у мощного телескопа, за исключением дежурных. Им по уставу не положено было покидать свои посты, и оставалось лишь наблюдать за происходящим по мониторам в своём отсеке. Во всех отсеках на корабле были установлены компьютеры, выдающие основные показания главного компьютера — «мозгового» центра космического корабля.

Сомнений не было! Эта маленькая звёздочка в огромном чёрном космосе, такая родная и узнаваемая даже через пятьдесят лет, тотчас зародила в людях надежду на лучшее. Почему-то ни у кого не возникло сомнений, что это именно Земля, хотя она была ещё так далеко и так походила на другие звёзды. Но люди, уже начавшие терять надежду, нисколько не сомневались, что эта крошечная точка и есть их родная планета — Земля.

Взрослые люди, прошедшие испытания трудностями астронавты, радовались, словно малые дети. Дежурные кричали по связи, чтобы их немедленно сменили, что они сторают от нетерпения лично взглянуть в телескоп.

Монитор компьютера показывал, что корабль держит правильный курс к этой крошечной планете. Экипаж заметно повеселел. Говорили, правда, мало, но радость переполняла сердца астронавтов, хотя и тревога не покидала их сердца. Что там, на Земле, с их близкими?! И только командир корабля думал прежде всего о деле, а именно о предстоящем приземлении, сложнейшей посадке гигантского корабля на ручном управлении.

— Ну что же, ребята, пора спать. Мы должны экономить силы, скоро Земля. Жаль, что автоматическое управление мы наладить не смогли. Но по заданному курсу корабль идёт на автомате без сбоев, это мы просто перестраховываемся, контролируя автомат, но что касается посадки, тут без вопросов. Но ведь на родную Землю сядем и вручную, справимся, верно?! — заключил командир, с заговорческой улыбкой обведя взглядом членов команды.

Лишь теперь осозная, насколько же ему за этот полёт стали они близки! Раньше, глядя на своих подчинённых, командир не понимал, зачем их понесло сюда, и думал, что это всего лишь безрассудство, алчность к деньгам, помешательство на карьере. Теперь он видел личность в каждом из них, знал, кто из них и почему оказался здесь. Знал и понимал трагичность многих судеб.

Они преданно смотрели на него, веря в него, в его опыт, в его слова, несмотря на разность их характеров. И от этого ему становилось ещё тревожнее, нет, не за себя, а за них. Сейчас они смотрели на него глазами побитой собаки, ищущей защиты, или больного ребёнка в больнице, навестить которого пришли родители.

— По спальным отсекам, ребята. Нам предстоит нелёгкое дело. Вы же сами знаете, корабль нашего уровня вручную ещё никто, ну, во всяком случае, в те годы, когда мы жили на Земле, — командир попытался выдать улыбку, — не сажал, так что мы будем первооткрывателями!

— Классно! Мы станем в глазах общественности героями! — с мальчишеской радостью воскликнул Майк. — И, кстати, это я первый увидел Землю! Сразу понял...

— Заткнись и иди спать, что тебе сказали! — приструнила его Ким.

Лео саркастически хихикнул, но остальные члены экипажа не были склонны к разговорам и быстро покинули отсек управления. Некоторые из них, прежде чем уйти, одарили командира взглядом надежды и одновременно одобрения. Командир, как мог, старался своим видом приободрить экипаж.

— Но ведь так много погибает астронавтов. Неужели не страшно?! — раздался за спиной Керли голос Лео, приятный по общепринятым параметрам, но уже ставший ей противным.

Этот напыщенный, самоуверенный красавец в космосе прославился лишь своим язвительным языком, да изредка бравадой, при этом при настоящей опасности прячась за спины товарищей, но давая «дельные», даже «стратегические» указания.

Керли ничего не ответила, промолчала даже вездесущая Ким. Астронавты действительно очень устали, ещё бы, столько времени напряжённой, нервной работы в космосе, открытие небесных тел и приземление на новые планеты, изыскательная и научная работа и многое другое, что входило в задание экипажа экспериментального сверхдальнего космического полёта. А тут ещё эта полонка и бессонные дни неизвестности — увидят ли они вообще когда-нибудь свою живую, цветущую Землю?

Да, именно живую! Ведь на тех дальних планетах, где они приземлялись, не было живых организмов. В тех дальних галактиках, где побывали земляне, как они ни надеялись, они не встретили жизни. Биологическая жизнь в космосе, во всяком случае, как убедились на собственном опыте астронавты, очевидно, была только на их родной планете — Земле.

Жизнь на Земле — плохая, хорошая, грустная, радостная, несправедливая, правдивая — могла бы быть и лучше, если бы все люди осознавали, какое же это счастье — жить на такой прекрасной, потрясающе красивой планете под названием Земля. Жить в согласии и уважении с каждым живым организмом: будь то человек, будь то животное, птица, рыба, рептилия или насекомое, и даже растение.

Хоть кто чей дом — эта прекрасная планета, дарующая всем нам жизнь! И каждая отдельно взятая жизнь имеет такое же право, как и человек, жить на этой планете, и никто не вправе лишать жизни другого живого существа! Если бы было всё так, то планета Земля и стала бы тем желанным людям раем, но раем не где-то там, а здесь — на прекраснейшей из планет, затерянной в бескрайних просторах космоса.

А есть ли у космоса начало и конец, есть ли границы? Похоже, что землянам не суждено этого узнать никогда, если они не смогут осознать сущность своей жизни на Земле и право всего живого на жизнь. В этом вопросе кроется глубокий философский смысл. Человечество, поглощённое своими проблемами и конфликтами, часто забывает о главном — о единстве всего живого на планете.

Каждый человек, независимо от своего положения в обществе, должен осознать свою ответственность перед природой и будущими поколениями. Только тогда возможно гармоничное сосуществование человека и природы, только тогда можно будет говорить о настоящем прогрессе человечества.

Важно понимать, что Земля — это не просто место обитания людей, это дом для всех живых существ. И каждый вид имеет право на существование. Только уважая жизнь во всех её проявлениях, человечество сможет найти ответы на фундаментальные вопросы о происхождении и сущности космоса. Ведь понимание окружающего мира начинается с понимания своего места в нём и ответственности за свои действия.

Возможно, именно в этом и заключается главный урок, который человечеству предстоит усвоить: нельзя познать вселенную, не научившись сначала жить в гармонии с самим собой и окружающим миром. В гармонии с самим собой и окружающим миром человек обретает истинную силу и мудрость. Только через внутреннее единство и согласие с природой возможно достижение высшего уровня развития личности.

Каждый из нас несёт ответственность за сохранение этой гармонии. Наши поступки и решения должны быть направлены на поддержание баланса между материальным и духовным, между личным благополучием и общим благом.

Важно помнить, что любое нарушение гармонии в природе отражается на всех её составляющих, включая человека. Поэтому так важно развивать в себе чувство ответственности за свои действия и их последствия. Гармония с окружающим миром начинается с малого: с бережного отношения к природе, с уважения к другим живым существам, с заботы об окружающей среде. Эти простые действия помогают сохранить равновесие в мире и способствуют развитию человечности.

В конечном счёте, путь к гармонии — это путь к самопознанию и самосовершенствованию. Только осознав свою связь со всем сущим, человек может достичь истинного счастья и покоя. Это не просто философская концепция, а жизненная необходимость, от которой зависит будущее нашей планеты и всего человечества. Каждый из нас может внести свой вклад в сохранение и укрепление этой гармонии, начиная с малого и постепенно расширяя сферу своего влияния.

Глава 6

«Чем выше в духовном отношении стоит человек, тем с большим благоговением он относится к жизни».

Альберт Швейцер

Команда жаловалась, что редко видит сны. Всем хотелось хоть во сне увидеть своих близких, земную жизнь, а не надоевшую темноту космоса, сопровождающую их реальную жизнь. Даже планеты, на которые они высаживались, по сравнению с Землёй были мрачными и наводили лишь тоску.

Но у Керли ни одна ночь не обходилась без сновидений, причём сны Керли всегда были цветными. Ещё с детства она удивлялась, как люди могут видеть чёрно-белые сны, но оказалось, что научно доказано: многие люди никогда не видят цветных снов.

Здесь, в космосе, для Керли сны являлись скорее не снами, а видениями из прошлого. С ней и на Земле бывало, что порой сны были настолько явственны, что она путалась: а во сне это происходит или наяву? Иногда жизненные ситуации как бы продолжались во снах, и, проснувшись, она задавалась вопросом: а звонила я на работу в жизни или во сне?

Керли могла при желании прервать свой сон или изменить его. Могла проснуться, схватить попить или по нужде и снова войти в тот же сон, словно в продолжение сериала. Она могла принимать во сне какие-то решения, которые днём тяготили её. Черпать ответы во сне на какие-то свои вопросы. Была способна что-то изобретать, сочинять стихи, песни и даже повести (правда, проснувшись, творческие произведения надо было тотчас записывать, потому что они быстро забывались).

Но самое невероятное и пугающее — было ли это правдой или её домыслами — являлось то, что, когда она спала, она могла видеть, кто к ней входит в комнату, но, увы, как она ни старалась, Керли не могла заставить себя проснуться.

Многие дети способны летать во сне — считается, что такие сны люди видят, когда они растут, но Керли давно уже выросла, а продолжала летать во сне. Вот такими были сны Керли, и они даже несколько пугали её, смешивая реальность со сном. Практически постоянно в её снах присутствовали её умершая любимая бабушка и умершая собака, так что иногда жизнь во сне казалась Керли лучше реальной жизни, жестокой и с множеством бесконечных проблем.

По большому счёту Керли мечтала стать астрономом, но не астрономом столь длительного полёта. Несмотря на то, что на Земле у неё не осталось близких, она любила саму Землю. Её цветущие луга, уходящие в неведомую даль (словно реки жизни) реки, грибные пахучие свежей хвоей леса, белоствольные красавицы берёзы, лазурное с пенистыми белыми облаками прозрачное небо, остроконечные верхушки гор, таинственные пещеры, величественный прилив шипящих океанских волн, даль горизонта. Она любила всё на Земле — от мохнатой коричневой гусеницы до медведя.

Одним словом, Керли очень скучала по родной планете. Но у неё не было выбора — лететь или не лететь. В Центре космических исследований, если ты не доброволец, тебя могут от столь «заманчивого» долгосрочного полёта отмазать, но Керли некому было отмазывать, она просто получила приказ.

Перед полётом Керли с мужем ходили на природу, к реке. Они пошли встречать восход солнца, чтобы этот земной восход остался с ними в памяти. И он действительно часто снился Керли.

Это была самая обычная река, самый обычный простой берег с берёзами, липами, клёнами, с большим, огромным лугом полевых цветов. Над рекой ещё стоял лёгкий туман. Багровый диск солнца медленно и плавно поднимался на горизонте, отбрасывая кровавый свет на

реку, пронизывая прозрачную пелену тумана. Лёгкий, еле видимый, светящийся сквозь туман, а может быть, это был и не туман вовсе, а дыхание реки?

Керли и Джорден долго сидели на белёсом песке высоко поднимающегося над рекой берега, пока утро полностью не сменило день, и солнце всю не заиграло своим ослепительным светом на прозрачной, голубой, бескрайней глади неба. Позади них тянулись к небу высокие стройные сосны. Песок под соснами почему-то был более насыщенный желтизной, чем на берегу. На противоположном берегу реки простирался изумрудный луг.

Когда Керли и Джорден заворожённо восхищались восходом солнца, на лугу неизвестно откуда появилась белая лошадь. Возможно, она ночевала здесь. Противоположный берег был пологим, и лошадь, подойдя к реке, принялась пить прозрачную, слегка подернутую течением воду. Лучи восходящего солнца нежно касались её белых, лоснящихся боков своим розовым светом.

Напившись, лошадь величественно вскинула голову и умчалась вдаль по росистому лугу. Супруги, не отрываясь, смотрели на её красивый и величественный бег.

Именно этот сон с восходящим солнцем и белой лошадью преследовал Керли во время её космического путешествия. И когда она просыпалась после этого сна, немного тепла и красоты оставалось с ней, хотя было грустно оттого, что это лишь сон. Керли очень любила этот свой сон.

Глава 7

«Мы обсуждаем, я уверен, вопрос принципиальной важности для будущего нашей планеты. Борьба против видовой дискриминации не второстепенное дело; это одна из главных областей, где в сегодняшнем мире происходят моральные и психологические перемены. Это составная часть нового и более широкого понимания мира и счастья».

Ричард Райдер

Шли дни, и они для астронавтов казались невыносимо длинными. Несмотря на то, что корабль летел на огромной скорости, Земля приближалась, как им казалось, крайне медленно. Однако вскоре уже был виден в телескоп шарик размером с теннисный мяч, а не крошечная звёздочка, и теперь почти всё время экипаж команды проводил у телескопа с замиранием души, вглядываясь в такую знакомую, родную Землю, которая вобрала в себя все их надежды.

Время шло своим чередом. Время, неуклонно идущее вперёд, может нести в себе как хорошее, так и плохое, и что несло время астронавтам этого космического корабля, никто не знал, и, естественно, напряжение возросло до предела.

Но наконец настало время, когда уже просто в иллюминатор можно было рассмотреть планету, именуемую Землёй. Корабль быстро по запланированному курсу приближался к этой планете.

Экипаж собрался в отсеке управления.

— Командир, я постоянно запрашиваю Землю, но Земля не отвечает! Причём я запрашивал не только наш космодром! — встревоженно произнёс Том, и его лицо, как и всегда, так как он не умел скрывать свои чувства, выразило крайнее беспокойство.

Хмурый командир задумчиво промолчал.

— А наша связь точно в исправности? — спросил Джордон.

— Связь в полной исправности. Я проверил уже раз десять! — взволнованно ответил Том.

— А возможно, что на Земле уже никто не живёт! Атомная война или что-то в этом роде! — усмехнулся Лео, хотя голос его дрогнул, а улыбка получилась кривой.

— Ты договорись у меня, идиот! — зло проговорила Ким, бывшая чемпионка по каратэ, вся вспыхнула от ярости.

— Действительно, заткнулся бы ты! — крикнул Майк.

Керли одарила Лео взглядом, полным осуждения и отчасти ненависти. Да и все астронавты отнеслись с осуждением к глупой и даже жестокой бравате Лео, а некоторые даже возненавидели его выходки. Да, Лео, впрочем, и другим подобным ему людям стоило бы знать, что человек, назойливо навязывающий людям свои идеи или постоянно говорящий о своих проблемах, вызывает в людях отторжение к себе и даже неприязнь, и это даже если идеи стоящие, а проблемы действительно требующие участия. А уж Лео своим ехидством просто не мог не настроить команду против себя. Хотя с Джоном они по-прежнему дружили.

— Прекратите! — вмешался командир корабля. — Том, продолжай пытаться связаться с Землёй! Бред и Рик, отправляйтесь с Томом и все вместе тщательно проверьте ещё раз исправность связи! Остальным разойтись! Отдыхайте и ждите своей вахты.

Бред с воодушевлением поспешил исполнить приказ, он всегда радовался, когда ему поручали непростое дело. Для Рика же это было просто очередным приказом, который он неукоснительно и безупречно выполнял.

Когда команда, за исключением Стива, следящего за курсом корабля, покинула отсек управления, командир переглянулся со Стивом и без труда прочёл в глазах мужественного астронавта тревогу.

Лео, Джон и Майк, сидя в столовой, всю спорили о том, что там на Земле и почему никто не выходит на связь.

— А может, киборги, типа нашего Рика, и не завладели Землёй?! А наши техники-умники, пока мы летали, забыли, как связаться с родненькой планетой! — саркастично рассмеялся Лео.

Джон рассмеялся вслед за Лео.

— Да хватит вам, ребята, насмехаться над своими товарищами, парни и так стараются, и не вам говорить, как отбирали в наш полёт профессионалов.

Лео окинул Майка ироничным взглядом, но вот Джон прекратил смеяться. В это время в динамиках раздался радостный крик Тома:

— С Земли поступил сигнал! Говорит, похоже, робот!

— Командир! Командир! Связь установлена! — прокричал Бред, бегущий со всех ног по коридору.

Тотчас же весь экипаж, за исключением Тома, несущего вахту в отсеке связи, промчался в отсек управления.

— Что говорят с Земли?! — захлебываясь от волнения, обратился Майк к Бреду.

— Мы сообщили, что наш корабль ТЮФ-34 приближается к Земле!

— А они?! Что ответили они?! Вы запросили посадку?! — дрожащим голосом воскликнул Тони.

— Но мы пока ещё далеко, — несколько растерялся Бред.

— Но надо же всё сделать заранее, чтобы космодром подготовили! — не унимался взволнованный Тони.

— Меня напрягает, что отвечает робот, — вступил в разговор Стив.

— Так что же здесь удивительного? В наше время даже бытовая связь была роботизирована! — недоумённо сказал Майк.

— А может, это вовсе не робот, а киборг! — хихикнул Лео.

Ким одарила его испепеляющим взглядом.

— И всё же, что отвечают с Земли?! — не унимался Тони.

Все астронавты не сводили взглядов с Бреда. В суматохе никто не заметил, что Рика в отсеке управления нет.

— Ничего, просто что Земля слышит нас, — несколько растерялся Бред.

— Надо срочно запрашивать посадку! — на глаза Билли невольно навернулись слёзы. Похоже, он осознавал, что ничего дорогого его сердцу на Земле уже не ждёт, но внушал себе несбыточную надежду.

— Я тоже так думаю, лучше заранее подстраховаться, — вмешалась в разговор Керли.

— Интересно, кто думает иначе? — осуждающе усмехнулась Ким.

Командир отдал приказ по радиосвязи:

— Том, начинайте запрашивать разрешение на посадку и сообщите нашу проблему!

Спустя пять минут непрерывной дискуссии астронавтов в отсек вошёл Рик. Его взгляд мало что выражал.

— Командир, космодром К-4, откуда мы вылетали, не отвечает. Из шестнадцати запрошенных нами космодромов отвечают лишь два, там роботы разрешают посадку одной фразой: «Посадка разрешена».

— И больше ничего не говорят?! — взволнованно произнёс Тони.

— Ничего. Голос не реагирует на вопросы.

Астронавты обеспокоенно переглянулись. Лицо командира помрачнело, но он распорядился:

— Поддерживайте связь непрерывно. Попытайтесь установить всё же контакт. Если ничего не выйдет, будем совершать посадку с той информацией, которую имеем, и на тот космодром, который ближе по нашему курсу!

Его решение не прибавило оптимизма команде. Астронавты, даже строящий из себя «героя» Лео, остались в напряжённом состоянии.

Глава 8

«Величие и моральный прогресс нации можно измерить тем, как эта нация относится к животным».

Махатма Ганди

В напряжённом ожидании прошли следующие два дня. Никакой новой информации экипаж с Земли не получил. На постоянные запросы им отвечал всё тот же голос робота всё той же монотонной фразой: «Посадка разрешена».

Но вот уже Земля стала настолько близко, что командир принял решение перевести корабль на ручное управление и сам взял на себя управление кораблём. Всё свободное время астронавты теперь проводили в отсеке управления.

Такой желанный голубой шарик уже принял очертания родной планеты. Уже можно было разглядеть материки и океаны. Каждый из астронавтов думал о своём, но все они, затаив дыхание (дежурные по мониторам), наблюдали за действиями своего командира — очень опытного пилота. Даже на мужественном и решительном лице командира можно было заметить волнение.

Земля стремительно приближалась, и астронавты не отводили глаз от иллюминаторов. Какой же ужас охватил команду, когда, тая в себе надежду, что наконец-то они вернулись домой, и стараясь прогнать все мрачные мысли по поводу того, что, возможно, там, на Земле что-то не в порядке, раз отвечают лишь роботы, астронавты услышали сообщение командира:

— Корабль плохо подчиняется ручному управлению, и посадку придётся производить не на космодроме, а на том месте, которое окажется под кораблём на момент его приближения к поверхности планеты!

Экипаж, и так измотанный одолевающим астронавтов предчувствием чего-то нехорошего, теперь встревожился не на шутку. Даже бравада Лео улетучилась, словно утренний туман, и её заменила испуганная не на шутку физиономия. И ещё бы! Что если корабль, который находится явно в неисправном состоянии и мчится на огромной скорости к Земле, врежется в горы?!

— Командир, может, ручное управление тоже в неисправности, и стоит попробовать устранить неполадки?! — обратился к командиру Стив.

— С ручным управлением всё в порядке, просто такие корабли, как наш, не рассчитаны на посадку с ручным управлением! Но даже если я что-то не улавливаю, и ручное управление действительно не исправно, у нас нет времени на устранение поломки. Корабль невозможно остановить, Земля слишком близко, и компьютер уже запрограммировал курс посадки на планету! — ответил командир, напряжённо ведя корабль.

Это сообщение совсем напрягло команду. А Земля приближалась и приближалась. Астронавты не отрывались от иллюминаторов, доверив свою судьбу опытному пилоту. Стив, являясь вторым пилотом на корабле (хотя азам управления кораблём были обучены все астронавты без исключения), сидел рядом с командиром и внимательно следил за каждым его действием.

Командиру удалось снизить скорость корабля до необходимой для приземления. Это было очень важно, иначе космический корабль ждала только неминуемая гибель.

— Займите свои кресла и приготовьтесь к посадке! — отдал приказ командир корабля.

И вот уже водная гладь океана понеслась под космическим кораблём, и казалось, что корабль летит прямо в океан. Астронавты затаили дыхание, всматриваясь в иллюминаторы, но, увы, теперь уже никто ничего не мог изменить, и за всё отвечала, в сущности, только судьба команды.

— Боже мой! Мы утонем! — взволнованно вскрикнул Тони.

— Не носи чушь! Ты и сам знаешь, что с нами ничего не случится, даже если мы приземлимся прямо в океан, корабль надёжно изолирован! — раздражённо среагировала Ким, эта железная леди, оказалось, тоже «имела» нервы и явно волновалась.

Но согласитесь, что всё-таки страшно падать в пучину океана, под водой которого могут скрываться и горы. Но астронавтам повезло: на пути космического корабля возник большой остров. С каждой секундой он становился всё ближе и ближе. И вот уже хорошо были видны горы и леса острова.

Все астронавты, затаив дыхание, ждали, куда посадит корабль командир, сосредоточившийся на управлении кораблём так, что капельки пота выступили на его лбу. До этого момента никто из членов команды не видел командира таким напряжённым. Надежде астронавтов на удачное приземление суждено было сбыться: командиру удалось контролировать скорость корабля, горы чудом остались сбоку, и через несколько секунд корабль коснулся земли.

Глава 9

*Птицы, рыбы и звери
в души людям смотрят.
Вы их жалеете, люди.
Не убивайте зря!
Ведь небо без птиц — не небо!
А море без рыб — не море!
И земля без зверей — не земля!*

Роберт Рождественский

Приземление прошло удачно. Как только космический корабль замер, тут же члены команды, с воплями радости и восторга, на ходу поздравляя друг друга с возвращением, бросились к выходу.

— Что вы делаете?! Мы же не знаем толком, куда мы приземлились и какая ситуация на Земле! Вы что, забыли, что нам не удалось выйти на связь ни с одним человеком?! Вернитесь!

— Возьмите хотя бы оружие, вы подвергаете себя опасности! — прокричал командир вслед ошалевшей от счастья команде.

Но никто даже не оглянулся. Люди словно с ума посходили от того, что, наконец, спустя столько времени, вновь оказались на Земле. Астронавты, забыв обо всём, со всех ног мчались к выходу.

В итоге с командиром остался лишь один Рик. Он никуда не спешил. Приземление мало радовало его. Искусственно рождённый хорошо знал, что ждёт его на Земле. У него здесь не было ни своего дома, ни родственников, ни друзей, вообще никого.

Рик лишь исполнил долг, даже его жизнь не принадлежала ему, его действиями, решениями всегда управляли «родители». Рик знал наверняка, что и сейчас они снова будут распоряжаться им. Он не спешил к этой жизни.

Только там, в космосе, недостижимый для них, для людей, создавших и контролирующих все его действия, Рик узнал, что такое быть обычным человеком. И впервые, несмотря на то, что команда подчинялась и действовала, в конечном счёте, по приказу командира, он ощутил свободу и не спешил с ней расставаться.

Когда все астронавты, так и не «услышав» своего командира, тщетно пытавшегося их образумить, покинули корабль, Рик, при полном своём вооружении, обратился к стоящему у входного люка задумавшемуся командиру:

— Я пойду исследую остров и разужаю, как можно поскорее добраться до нашей базы!

Командир, задумчиво глядя в открытый люк на землю, покрытую такой теперь непривычной зелёной травой, удручённо покачал головой:

— Они будто сошли с ума, и это тогда, когда с Земли нам отвечали только роботы, а вполне возможно, что и автоматическая запись. Мало ли что могло случиться за пятьдесят лет. Вполне может быть, что киборги захватили Землю или ещё что.

— Не беспокойтесь, командир. Земля — наш дом, и она не даст нас в обиду, — с оттенком некой горечи произнёс Рик.

— Но история Земли — это пугающая история, — расстроенно проговорил командир.

— Разрешите мне идти?!

— Хорошо, я останусь сторожить корабль. Жду твоего возвращения, Рик. Надеюсь, что наши астронавты опомнятся и вернутся сюда, а затем мы все вместе проследуем на нашу базу.

Керли бежала со всех ног, тяня за собой за руку Джордена. Джорден едва поспевал за женой. Керли мчалась всё равно куда, пока не выбилась из сил. Тяжело дыша, она упала на землю и принялась обнимать её, стараясь обхватить как можно больше пространства шелковистой изумрудной, раньше такой обычной, а теперь такой непривычной и желанной травы.

Астронавка, уткнувшись разгорячённым лицом в тонкие прохладные стебли травы, жадно вдыхала её запах, которого ей так не хватало там, в космосе. Джорден присел рядом с женой и, нежно обняв её за плечи, улыбаясь, произнёс:

— Куда мы бежим, как сумасшедшие? Керли, командир, по-моему, далеко не в восторге от нашего самоуправства!

— Пусть, — ответила Керли, развернувшись к мужу и глядя на него наполненными счастьем глазами, влажными от непроизвольно выступивших слёз радости.

А затем Керли высвободилась из объятий мужа и бросилась к близстоящим деревьям. Она принялась обнимать деревья и целовать их шершавую кору. Раскинув руки, женщина стала кружиться, запрокинув голову к прозрачному, ясному, голубому небу, пронизываемому своими солнечными лучами огромные кроны деревьев.

— Смотри! Смотри! Смотри, какие высокие деревья! На них, наверное, невозможно залезть человеку. Правда, ведь, Джорден?!

Джорден сидел на траве, смотрел на жену, на природу, которую он, как и Керли, очень любил и все эти долгие годы полёта так скучал по тихой простой лесной прохладе, и, погружённый в свои мысли, счастливо улыбался. В этот миг он был, впрочем, как и его жена, по-настоящему счастлив.

— Как это здорово, как же это здорово! Как она красива, наша Земля! Смотри, Джорден, смотри, какое небо! Есть ли где ещё такое небо?! Да что ты ничего не говоришь?!

Но Джорден не отвечал. Он держал ладони на траве, и это прикосновение вызывало у него чувство, которое он никогда не испытывал ранее и сам вряд ли мог объяснить кому-либо, что он сейчас ощущает. Наверное, это была радость, смешанная с горечью от того, что он так долго не был здесь, что, если бы вдруг случилось несчастье, то он бы мог потерять эту Землю навсегда. Страшно даже подумать, но ведь так часто, так часто астронавты не возвращаются из дальних полётов! Джорден любил свою профессию, но всё же Землю он любил больше, но понял это только сейчас.

«Всё мы ставим на карту. Всё, даже вот такую красоту. Но ради чего?» — размышлял Джорден, и если раньше он знал ответ, то теперь искренне недоумевал, как можно было ради карьеры и жажды приключений терять вот такое простое, то, что рядом и кажется, никогда и никуда не денется. Но что именно это и есть самое дорогое твоему сердцу, понимаешь только тогда, когда осознаёшь, что реально можешь потерять это навсегда.

— Керли, да разве стоят все наши приключения вот этой Земли?! Этой красоты, этого счастья просто жить на Земле?! — Джорден, прищурившись, глядел на солнце. — Мы бы никогда не поняли этого, не расставшись так надолго с Землёй! Вот истинное счастье — просто жить под этим небом, ходить по траве...

— Не знаю, но это так здорово — вернуться, — Керли тоже только сейчас осознала, что для неё значит Земля, насколько дорога ей эта планета.

Джорден подбежал к супруге, и они принялись обниматься и целоваться вне себя от счастья. Так, смеясь, глядя на траву, солнце, небо, деревья, цветы, они кружились, бегали, словно малые дети, вдыхая полной грудью этот чудесный земной воздух и испытывая чувство настоящего счастья от того, что вернулись домой.

Впрочем, все астронавты ощущали не сто подобное от возвращения на Землю. Например, Билли тоже бежал, ликуя от невероятного восторга, бежал и бежал, куда глаза глядят, чтобы только поскорее встретить людей. Он даже несмотря на то, что испытывал страстное желание

повалиться на траве, не останавливался. Он продолжал бежать, запыхавшись и жадно вдыхая кислород земного воздуха, потому что самым главным в жизни Билли являлась его мать.

Он уже решил, что больше не вернётся на корабль. Билли спешил увидеть мать. Он, всегда дисциплинированный астронавт, не корил себя за то, что нарушил приказ командира, и спешил поскорее найти людей и добраться в тот родной ему шумный город, в котором они жили вместе с мамой и верным псом Диком.

Конечно, Дика он уже никогда не увидит, но мама... Билли даже мысли не хотел допускать, что она могла и не дотянуть до девяноста. Увы, такие страшные, противные мысли назойливо вертелись в его голове, и он, как ни старался, не мог выкинуть их оттуда. Увы, такие непроизвольные мысли невозможно остановить, так же как невозможно остановить усилием воли нервный тик. Но Билли лихорадочно гнал от себя эти проклятые мысли и отчаянно старался убедить себя, что всё хорошо и его мама жива. Сейчас для него ничто не имело значения, только мама. А это означало одно: вперёд, к людям, и самолётом, чем угодно — к матери.

— Мама, я вернулся! Вернулся! Мы будем вместе и никогда не расстанемся! — прокричал Билли в никуда, просто от отчаяния, что ему никак не удаётся избавить свою голову от терзающих его душу мыслей.

Ким и Майк выбежали на холмистую местность. Майк, тут же взобравшись на вершину ближайшего холма, прокричал во всё горло клик победы. Эхо подхватило этот восторженный клик и разнесло по долине, раскинувшейся внизу.

Обрадованный Майк, подпрыгнув от восторга, прокричал ещё и ещё, слыша впервые за годы пребывания в космосе настоящее эхо. После чего запрыгал от счастья, охватившего его, так, словно он одержал победу в боксёрском матче. Кстати, будучи школьником, Майк занимался боксом, но значительных побед так и не смог добиться из-за того, что подрабатывал, поэтому частенько пропускал тренировки и в старших классах оставил бокс.

— Майк, ты с ума сошёл! — взобралась к нему запыхавшаяся весёлая, точнее будет сказать, ликующая Ким.

— Ким, ты не представляешь себе, как я рад! Ты даже не можешь себе представить, как я рад, что наконец-то я здесь! Получу свои денежки, и вот оно моё земное счастье! — весь сияя, он положил руки на плечи Ким и, глядя ей в глаза, спросил: — А ты рада?!

— Ещё бы! — ответила восторженно Ким. — Я так хочу домой!

— Но ты же помнишь, говорила, что никогда не простишь родителей, исковеркавших твою жизнь и разлучивших тебя с возлюбленным, ну тем, что спустя месяц погиб в автокатастрофе! Ты вернёшься к родителям?! — удивлённо произнёс Майк, выпуская Ким из своих объятий.

Насчет возлюбленного Майк переборщил. Ким не называла первого своего парня возлюбленным. Понятия «любовь» не было в её чувствах и не входило в её планы. Крис (так звали того парня) её любил, а она просто хотела быть не хуже других девчонок и иметь, как все, воздыхателя. То, что Крис так скоро после их принудительного расставания погиб, действительно не было совпадением. Лишившись любимой, он стал выпивать и разбился, будучи пьяным на своём мотоцикле. Кстати, из-за этого железного красавца-экстрималка Ким и предпочла его другим парням.

Что касается «прощения» родителей, это опять же не являлось любовью. Да, Ким с возрастом осознала чувство благодарности (в частности, родители дали ей хорошее образование, возможность заниматься спортом, да и жили они небедно), но всё же больше Ким руководил рационализм, которому, как вы знаете, чувство долга совсем не чуждо.

— Да, Майк, я говорила, но сейчас я ощущаю другое. Я чувствую жажду жизни, а то, что было в прошлом, так и осталось в далёком прошлом. Я простила своих родителей, — Ким тяжело вздохнула и уже с грустью

— Да, Майк, я говорила, но сейчас я ощущаю другое. Я чувствую жажду жизни, а то, что было в прошлом, — это теперь так и осталось в далёком прошлом. Я простила своих родителей, — Ким тяжело вздохнула и уже с грустью добавила, глядя на простирающуюся внизу долину, так, словно хотела увидеть, что там дальше, вдаль, впереди. — Вот только бы они были живы.

— Ким, я давно хотел тебе сказать, что... — начал несколько растерянно, что было не в его характере, Майк. — Ты понимаешь, что я хочу сказать...

— Я понимаю, Майк, — шепотом произнесла Ким и, кивком показывая на бегущих к ним Джона и Лео, глазами дала понять мужчине, что ей бы не хотелось, чтобы Джон и Лео их услышали.

— Ты согласна стать моей женой?! — не удержавшись, воскликнул Майк, не веря своим ушам. — Мы будем счастливы! У нас теперь есть много денег! Мы проживём с тобой прекрасную жизнь!

Ким невольно рассмеялась. Но это не задело Майка: весь светясь от счастья и дрожа от волнения, он прижал её к себе.

— Эй! Ну вы и рванули! — прокричал Джон ещё издали.

— И откуда у них после такого длительного полёта столько сил?! — сыронизировал Лео. — Может, они спецпаёк получали?!

Но Джон, похоже, не понял его шутки. Они перешли на шаг и, тяжело дыша, принялись подниматься на вершину холма.

— Согласна, Майк. Только давай обсудим это не при них, ладно? — Ким, улыбаясь влюблённому, высвободилась из его объятий. Кстати, для неё согласие стать женой Майка было опять же рациональным расчётом. Она знала о Майке практически всё, а на Земле мужчины её «земного» возраста были уже глубокими стариками, а её биологического — имели другое образование, интересы и прочее, а Ким не любила в чём-либо кому уступать.

— Ну вот, стоило их оставить одних, как они тотчас принялись лобзаться, — ехидно произнёс Лео, подходя. Похоже, он не расслышал сути разговора, а то бы обязательно не упустил поиздеваться и над этим. — Конечно, дело молодое, но не при посторонних же, имейте совесть!

Лео и поднявшийся на холм Джон обменялись многозначительными улыбками. На что Ким удостоила их презрительным взглядом. Майк, хоть и немного растерялся, но, обладая хорошей сообразительностью, не стал пререкаться и нашёл, что ответить.

— Эх, Лео! — с наигранным сочувствием произнёс Майк. — Ничегошеньки ты не понимаешь в жизни!

— Да-да, конечно! Я ничего, ничегошеньки не понимаю! — с ухмылкой парировал Лео. Слово «ничегошеньки» он нарочито выделил, чтобы обратить внимание присутствующих на просторечивость лексикона оппонента, несмотря на то что сам Лео не блистал знаниями, ошибки других он не спускал.

— Ну правда! — старался доказать ему Майк, не обращая внимания на явные издёвки. — В жизни есть ещё много чего, помимо денег...

— Хотя деньги — это главное! Хватит разглагольствовать! Идёмте быстрее отыщем людей! Или вам не хочется поскорее увидеть землян?! — сказал Джон и принялся спускаться с холма в долину, остальные последовали за ним.

Тони и Том бежали вместе. Но Томахватило ненадолго: упав на траву, он принялся обнимать её и даже целовать цветы. И хотя для взрослого и весьма рассудительного мужчины это выглядело несколько странно, Том не в силах был себя остановить. Его чувства были настолько оголены, что слёзы подступили к горлу, ведь его родителям так и не удастся никогда испытать это нежное прикосновение травы.

Тони, не желавший останавливаться ни на секунду, позвал друга, но Том словно его не слышал.

— Том, ну хватит, накатаешься ещё по траве! Поспешим! Мы не должны терять ни минуты, ведь мы и так потеряли пятьдесят лет! — Том не среагировал, и раздосадованный Тони, захлёбываясь от волнения, попытался его убедить: — Ну, Том, хватит! Ты же знаешь, что я хочу как можно быстрее попасть к маме!

Несмотря на то что Том слыл добрым человеком, он не пошёл с другом.

— Извини, Тони, ты беги, тебя ждёт твоя мать, а у меня ничего не осталось, кроме этой земли. Знаешь, я останусь пока здесь. Я хочу побыть один.

Растерянный Тони стоял перед другом, не решаясь убежать и оставить Тома одного, ведь он никогда раньше не видел, чтобы Том плакал.

— Беги, Тони! Беги! — настойчиво повторил Том, и Тони со всех ног пустился вперёд и вскоре скрылся среди деревьев. Том проводил друга печальным взглядом и ничком упал на землю.

Из всей команды, ступив на землю, лишь один Рик шёл среди этой чудесной земной природы спокойно. Он продвигался быстро, но не бежал, а шёл, зорко вглядываясь вокруг в поисках людей. Но Рик искал людей для своих товарищей, сам же он испытывал такое состояние, словно он — птица, которой опять суждено вернуться в клетку после долгого свободного полёта в небе.

Глава 10

«Человек воистину царь зверей, ибо жестокостью превосходит их. Мы живём смертью других. Мы ходячие кладбища! Ещё в молодости я отрёкся от мясоедения, и придёт время, когда люди, как и я, будут смотреть на убийцу животных так же, как сейчас на убийцу человека».

Леонардо да Винчи

В тёмную, странного вида комнату с преобладанием острых углов, отделанную пластиком, вошёл высокий бледный человек с холодным взглядом. Возраст его определить было сложно из-за отсутствия эмоциональности на лице. Он был вооружён и одет в комбинезон из белой блестящей материи с красно-чёрными опознавательными знаками на спине и груди.

За металлическим столом, в чёрной одежде и такого же цвета плащ-накидке, сидел совершенно лысый, страшный, с тощим черепом пожилой мужчина. Перед ним, на огромной металлической блестящей тарелке, «красовалась» обглоданная человеческая голова с жалкими остатками варёной плоти и недоеденной свежей зелени. Тыкая ножом в мясо на другой, тоже металлической тарелке, людоед быстро поедал большие куски сырого мяса, заглатывая их целиком прямо с острия ножа. Рот этого обладателя крошечных зеленовато-стальных блёклых глазок и узких губ напоминал собой чёрную дыру.

— Айк! — произнёс человек в белом комбинезоне. — На нашу территорию приземлился межпланетный корабль. Как видно, ранее запущенный с Земли, вернулся обратно.

— Захватить людей и информацию! Действуйте немедленно, Ротэнн! — со скрежетом прорычал голос Айка, а его большой чёрный рот продолжал поглощать мясо так поспешно, что по подбородку говорящего стекала кровь.

Билли выбежал из леса на поляну и увидел перед собой группу людей в белых комбинезонах, расписанных какими-то неизвестными ему иероглифами, с тремя небольшими вездеходами, бесшумно ползущими сзади. Командиром этих вооружённых людей был Ротэнн.

Билли, несказанно обрадовавшись, бросился к ним, крича ещё на бегу:

— Пойдите! Помогите! Я астронавт с корабля, мы только что приземлились. Мы были запущены пятьдесят лет назад. Я хочу попасть на материк как можно быстрее!

Подбежав к людям (все они оказались мужчинами), Билли ещё раз выдал, кто он и чего хочет, и, заметив наконец, что молчащие люди разглядывают его прямо-таки враждебно, уже растерянно добавил:

— Мы не были на Земле пятьдесят лет! Я хочу как можно скорее попасть на материк, потому что у меня мама очень старенькая... И я не знаю, жива ли она... — при воспоминании о матери голос Билли задрожал, и он ощутил, как холодный пот прошиб его, но вот последнее, увы, как раз не было следствием воспоминаний. Просто астронавт интуитивно, каким-то шестым чувством почувствовал, что что-то здесь не так, и та злобная энергетика, которую источали эти странные люди, вселяла в него первобытную инстинктивную тревогу.

Ротэнн с ухмылкой обратился к своим подручным:

— Есть после применения оружия оцепенения — всё равно что есть замороженное мясо! Вы меня поняли?!

Сам он направился к ничего не понявшему Билли, застывшему на месте, решившему, что люди его не понимают, и соображавшему, как же ему объяснить свою историю более доступно. Люди-то вроде говорили на том же (английском) языке, что и он.

Группа людей в униформе зашевелилась. За Ротэнном последовали ещё два коротко стриженных молодых мужчины, возможно, они были солдатами или служащими, так как все были одеты в одну униформу.

Эти двое, приблизившись к Билли вплотную, резко и больно схватили его за руки. Астронавт даже не успел ничего толком сообразить. Один из мужчин тут же резанул Билли по шее острым, непонятно откуда взявшимся в его руке, лишь молниеносно блеснувшим на солнце длинным ножом. Нож легко, как в торт, вошёл в горло Билли, проделав огромный надрез на шее. Кровь хлынула из здоровенной раны. Роттэн, стоящий рядом со своими подчинёнными, удовлетворительно усмехнулся.

Один из мужчин извлёк плоскую прозрачную посуду типа фляги и подставил её к ране. Посудина быстро начала наполняться кровью. Когда она была почти полна, Роттэн жестом приостановил процесс. Забирая наполненную горячей кровью флягу у своего подопечного, он распорядился:

— Доставите на мини-бойню!

Четверо выбранных предводителем мужчин тотчас же подхватили тело Билли, которое всё это время каннибалы удерживали в стоячем положении, и забросили в кузов одного из вездеходов, и быстро, но с явным неудовольствием пустились в путь.

Группа людоедов сомкнулась в круг вокруг Ротэна, и сразу же стало понятно, что именно расстроило уехавших. Роттэн поднёс посудину-флягу к губам и с явным удовольствием отхлебнул крови. Затем передал рядом стоящему с ним человеку, тот проделал то же самое, и фляга пошла по кругу.

Судя по тому, что эти люди, перед тем как отхлебнуть крови, делали один и тот же приветствующий знак Ротэну правой рукой, они были военными или типа «иных подчинённых». А судя по тому, как эти люди с очевидным удовольствием пили человеческую кровь, их нельзя было назвать людьми.

Вот так одним доверчивым, вследствие чего зависимым от других, а стало быть, более уязвимым, человеком по имени Билли стало меньше.

Глава 11

«Нельзя быть безгрешным, но можно с каждым годом, месяцем и днём становиться всё меньше и меньше грешным, в этом истинная жизнь и истинное благо всякого человека. Отгоняй от себя всё то, что мешает тебе видеть свою связь со всем живым».

Л. Н. Толстой

Командир космического корабля, погружённый в раздумья, прохаживался по поляне, на которую приземлился космический корабль. Он не мог себе позволить поддаться эмоциям и оставить корабль без присмотра. Но даже на этом небольшом пятчке земли бывалый астронавт не мог удержаться и с нежностью гладил шершавые стволы деревьев, поглаживал прохладную, источающую свежесть траву и до боли в глазах смотрел на солнце в таком знакомом и таком далёком небе. Взрослый мужчина искренне наслаждался красотами простой, обыденной для людей, живущих на земле, природы. Как же дорога ему была эта милая сердцу земля! И как же горько ему было от осознания того, что, увы, у него на этой родной земле больше нет близких.

Командир (звали его Чарли) с наслаждением присел под огромным раскидистым вязом, и на него тотчас нахлынули воспоминания. Чарли «увидел» свою жену и дочку, мирно сидевших в обнимку на крыльце их большого ухоженного дома. Они ждали его с работы — две самые дорогие и любимые им на свете женщины. Как же давно это было, но сейчас перед его глазами память воскресила эту картину из прошлого так, что он вспомнил всё вплоть до выскочившей из-под свитера блузки у дочери и прыщика над губой у жены. Жена тогда ещё переживала, что крем, так помогающий ей при появлении прыщей, с этим никак не мог справиться.

Стояла ранняя осень. Некоторые деревья были ещё зелёными, но на большинстве деревьев листва была уже подернута желтизной вступившей в этот мир осени. Попадались и такие деревья, листва которых уже полностью пожелтела. Но в тот год Чарли, всегда питавшего к красоте ранней осени восторженные чувства, почему-то не радовали золотисто-багряные, яркие краски осени, а вселяли на подсознательном уровне в его душу тоску по ушедшему лету и даже какой-то непонятный страх, точнее, наверное, будет правильным определить как неосознанную разумом тревогу, непонятно почему зародившуюся в его сердце.

Впадать в тоску об увядающей жизни осенью было свойственно его жене, и он тогда не придавал этому значения, полагая, что, как это принято считать, такое депрессивное состояние передалось ему от супруги. Ведь жена, несмотря на то что восхищалась даже обыденными пейзажами природы осенью, грустила. Ну и, как говорится в народе, с кем поведёшься, от того и наберёшься. Вот так он, любящий муж и заботливый отец, человек, всегда восхищающийся красками осени, не придавал значения зародившейся в его душе тревоги и не почуял, что это не только грусть об увядающей природе, но и предчувствие большей печали, ожидающей его впереди и так несправедливо предначертанной ему судьбой.

Как же несправедливо мироздание! Как же счастливо они жили. Находили даже счастье в повседневном быте, потому что любили друг друга. Каждый день совместной жизни являлся для них шажочком к усилению их нежных чувств друг к другу, к познанию друг друга, к совместному духовному росту, к большому благополучию. Супруги, общаясь, много и откровенно разговаривали, дополняли друг друга и учились новому друг у друга.

Они растили дочь, предотвращая те ошибки в её жизни, которые совершили когда-то сами по незнанию. Они все вместе облагораживали свой дом, своё гнёздышко, делая его непохожим на другие дома, приукрашая картинами, скульптурами, сувенирами, собственноручно сделанными поделками, разбитыми и обрамлёнными оригинальным дизайном (его они придумывали все вместе) клумбами в саду и множеством домашних цветов, которые так любила жена.

Они недавно переехали в этот большой двухэтажный дом, построенный по замыслу супругов, и дочь уже упорно напоминала об обещании родителей завести собаку и кошку (в городской квартире у них животных не было). Они уже определились с породой собаки, но... наступила зима, и...

Он ненавидел этот день, но не мог забыть эту страшную дату даже во сне. Он проклинал себя, что тогда, в этот роковой день, не был с ними (задержался на работе), а они поехали в магазин закупать продукты на неделю, так они всегда делали в целях экономии времени, но всегда они делали это втроём. Тогда же их было двое, и он ощущал себя виновным, как будто предал их, променял на работу любовь и жизнь самых близких ему людей.

Ах, если бы всё вернуть назад! Если бы он тогда пришёл с работы вовремя и присел с ними просто поболтать, а потом бы они поужинали и вместе бы поехали в магазин. Тогда он бы был за рулём, и всё сложилось бы иначе, ведь у него была отличная реакция пилота-астронавта, и он успел бы увернуться от пьяного водителя, а так — лобовое столкновение и... три трупa. Даже наказывать некого, да и что толку — наказание виновного не вернёт умерших, да и виновным он считал в первую очередь себя.

Ведь они даже утренние пробежки всегда совершали втроём. Они погибли, как только он нарушил цикл сформировавшихся правильных, наполненных взаимопониманием традиций. Осталась лишь память: миловидная, ещё довольно молодая, лет тридцати женщина с одухотворённым лицом и белокурая восьмилетняя девочка с небесными глазками и ангельским личиком на крыльце дома, так похожего на сказочный домик.

Командир явственно слышал музыку Баха, неожиданно возникшую сейчас в его голове, сплетённую из каких-то ассоциаций. Он всегда очень любил классическую музыку, впрочем, как и его жена. Супруги даже свою дочку (к их счастью, тоже равнодушную к музыке) определили в музыкальную школу раньше, чем в обычную, общеобразовательную.

«Если бы я был с ними, то ничего бы не случилось, я уверен в этом, уверен. Мы были единым целым, и я лишь после понял это. Какой же я дурак и сволочь», — подумал Чарли и с горькой тоской поднял глаза на девственно-непорочное светло-голубое небо, пронзённое жизнеутверждающими лучами солнца, но вскоре этот дышащий радостью мир расплылся от наворачившихся слёз: «Ах, если бы всё вернуть назад!»

Увы, прошлое никогда не возвращается, и несчастны те люди, которые забывают об этом или убеждают себя, что всё будет хорошо и с ними-то уж ничего плохого не случится, чтобы они ни делали. Нет, жизнь мстит и наказывает за ошибки. Рано или поздно приходит час расплаты, как за большую провинность, так и за малую ошибку.

В симфонию Баха, царившую в уставшем от самоистязаний мозгу Чарли, навязчиво вливалось тиканье часов — тех самых часов, ход времени которых он, как и все члены его семьи, слышал в гостинной, часов, монотонный звук которых сопровождал их семейные завтраки, обеды и ужины, их торжества по поводу дней рождения и прочих праздников, принятых отмечать в их семье. Старинные механические часы с кукушкой были подарены ему отцом в день его свадьбы. Эти часы представляли собой нечто вроде семейной реликвии, передаваемой из поколения в поколение.

В тот чёрный день часы остановились, и он не пытался их завести. Для него время после злосчастного звонка из госпиталя тоже остановилось. Лишь в памяти навсегда остались их вечерние семейные посиделки на крыльце, когда их было трое и они были счастливы, но не замечали этого. Теперь же ему никогда не суждено быть счастливым, потому что теперь он не сможет быть счастливым.

Людям свойственно замечать счастье, когда оно является к ним радужным мигом, счастье «долгосрочное» (а такое бывает) кажется лишь благополучным бытом, и его, увы, осознают лишь спустя время.

Тиканье часов становилось всё громче и громче, как и монотонный ход маятника. Этот ранее навевающий философские размышления о жизни звук теперь в голове превращался в совокупности с канонической музыкой Баха в набат.

Глава 12

«Вопрос не в том, могут ли они мыслить. Или, могут ли они говорить. Но могут ли они страдать?»

Джерemi Бентхам

Тони ужасно выдохся, когда выбежал из леса. Перед ним предстала гористая местность. Внизу, вблизи почему-то серой, несмотря на солнечный день, глади океана, астронавт увидел порт. В порту находились: огромный мрачный грузовой корабль с многочисленными иллюминаторами, четыре маленькие и одна довольно-таки большая яхта, катер на воздушной подушке, три глиссера и шесть моторных лодок. Суда не так уж и изменились за прошедшие пятьдесят лет, разве что внешний вид их стал чересчур агрессивным. Но любящего сына водоплавающие средства и их количество не интересовали, главное, что они были, и ещё главное, что в порту он увидел людей, отчего и у него тотчас открылось второе дыхание. И он, измождённый от быстрого бега, радостно вскрикнув, победно вскинул руки вверх и что есть сил бросился к порту.

Ким, Майк, Джон и Лео, взобравшись на возвышенность, увидели впереди в долине маленькое селение. Селение находилось довольно-таки близко, и вскоре астронавты уже вошли в него.

Нещадно палило солнце, плотной пеленой зависла жара. Жутко хотелось пить, но, спешно покидая корабль, они не позаботились о воде, лишь у всегда организованной Ким была фляга с водой, которую они уже выпили. Единственный источник воды (родник), попавшийся им на пути, они встретили в лесу, и это было несколько часов назад, тогда они насладились вволю его холодной ключевой водой.

Само селение состояло всего из трёх домов, очень далеко расположенных друг от друга. Первым на пути пришельцев располагался большой белый дом с прилегающим к нему просто огромным ангаром. Астронавты в сильном возбуждении поспешили к этому дому.

Майк первым взбежал на крыльцо и, волнуясь, сам не понимая почему, нажал кнопку причудливого звонка. Из этого ничего не последовало. Ему никто не ответил, и из дома никто не появился. Вторая, а затем и ещё несколько последующих попыток также не принесли никакого результата. Дверь была заперта, и, похоже, в доме никого не было, а вполне возможно, что дом и вовсе был нежилым, по крайней мере, очевидного присутствия постоянных жильцов около дома не наблюдалось. Так и не дозвонившись, астронавты обошли дом вокруг, заглядывая в окна, но людей так и не обнаружили.

— Смотрите! Ангар, кажется, открыт! — крикнула Ким, указывая на ангар. — Пошли же, что вы к окнам-то прилипли?! Нет там людей, идём и ищем дальше!

Лео, осуждающе усмехнувшись, покачал головой. Джон ехидно подмигнул Лео. Майк заметил их издёвки, и ему это очень не понравилось. Но сейчас было не до этих клоунов, и Майк, не реагируя на подначки, догнал Ким, которая уже шла к ангару. Створки дверей ангара оказались и впрямь приоткрыты.

В порту ходили люди, одетые в белые, холодно блестящие на солнце комбинезоны с непонятными иероглифами. Сновали грузчики в синей униформе, всюю шла погрузка корабля. Тони, будучи ещё далеко, не мог разобрать, что они там загружают. Сердце астронавта, так долго не видевшего родную землю и такого количества землян, переполнило радость, и он счастливо заулыбался. Ещё бы, там, в порту, были настоящие люди-земляне, и спустя несколько минут он будет с ними. Тони быстро пересёк долину, отделяющую его от порта.

В это время Рик подошёл к порту с противоположной стороны. Он находился на высокой горе. Рик, увидев внизу порт, достал бинокль и стал наблюдать. Как и Тони, он увидел кипящую работу в порту, но, в отличие от Тони, из-за радости, вскружившей тому голову, не

проявившего бдительности, Рик сразу же понял, что грузчики — киборги, а люди, несмотря на полную автоматизацию труда, только отдают указания.

Рик безошибочно определил, где киборги, а где люди, хотя раньше такие совершенные киборги (которых практически невозможно было отличить от людей) ему не встречались. Пятьдесят лет назад киборги встречались лишь в научно-исследовательских лабораториях да на космических кораблях в экспериментальных полётах. Правда, их ещё стали внедрять в работу, которая была опасна для людей, но лишь в нестандартных ситуациях: во время природных катастроф и прочих происшествий, а также при исследовании океанских глубин, всевозможных научных изысканиях, в борьбе с преступниками, в особенности с террористами. Теперь вот, видимо, используют и в быту.

Астронавт наблюдал в бинокль, как загружают контейнеры на корабль. Контейнеры были из прозрачного стеклопластика, и Рик удалось рассмотреть в бинокль, что в контейнерах мясо. Хладнокровный Рик пришёл в ужас, когда, вглядываясь в содержимое одного из контейнеров, он осознал, что в нём отрубленные человеческие головы и части тел. Астронавт напряжённо всматривался, не веря своим глазам, но, увы — это была страшная, шокирующая реальность. В контейнерах находились расчленённые человеческие тела, а в упаковках с вырезкой, фаршем и субпродуктами, по логике, вполне могло быть человеческое мясо и органы.

Между тем Ким с мужчинами подошла к ангару. На фронто́не ангара красовалась вывеска, на которой красными буквами, отражающими свет, была сделана надпись — «Мини-Бойня Хоул». Увы, никто из астронавтов не придал этому значения, даже рассудительная Ким.

— Ну, вперёд! На поиски землян! — в свойственной ему манере заявил Лео и, дурачась, жестом показал Майку, что пропускает его вперёд: — Только после вас, сэр!

Майк тихонько потянул дверь на себя, и та легко подалась. И вдруг, на глазах Ким, Джона и Лео, блеснув на солнце, огромный длинный нож-тесак, взявшийся откуда-то сбоку (очевидно, это была автоматическая ловушка), обрушившись на Майка, в одно мгновение срезал голову астронавта, обрызгав тёплой кровью стоящих рядом с ним товарищей. Голова Майка покати́лась по бетону, оставляя за собой кровавый след. Туловище астронавта какое-то мгновение стояло на месте, а затем, произведя несколько импульсивных, агонизирующих шагов к обезумевшим от ужаса коллегам, глухо упало ничком. И тут же раздался пронзительный вой сирены, который заглушил нечеловеческий вопль Ким. Вопль, наполненный ужасом и... животным страхом.

— Бежим отсюда! — испуганно проорал Джон, но если Лео, весь трясаясь от страха, словно подхватил лихорадку, смог на негнущихся ногах последовать его совету, то Ким не сдвинулась с места.

Джон, схватив женщину за руку, стал оттаскивать её прочь от дверей ангара, но та, находясь в состоянии аффекта, отчаянно вырывалась. Будучи сильной, Ким всё же вырывалась и, повалившись на землю, принялась истерично орать проклятия и колотить кулаками вытоптанную траву. Тогда Джон попытался, подхватив астронавтку за подмышки, волоком оттащить её от злоеющего места.

К тому времени, отбежав от ангара метров на сто, как оказалось, трусливый Лео, оглянувшись, увидел за спиной Джона, тащившего Ким, выбегающих из ангара людей. Красивое лицо Лео исказилось от ужаса, его обуял такой страх, что Лео не смог даже закричать, чтобы предупредить Джона и Ким о надвигающейся (он был в этом более чем уверен) опасности. Дрожащие, вмиг пересохшие губы астронавта не слушались.

Люди, выбежавшие из ангара, были одеты в белые комбинезоны с иероглифами. Видя искажённое ужасом, ставшее страшным лицо Лео, жестами указывающего на ангар, Джон оглянулся назад и невольно отпустил Ким, но тут же, плохо соображая от обуявшего его страха, крепко, даже жёстко подхватив её под локоть, снова поволок за собой.

— Нужно бежать! Бежим, Ким! Бежим, мать твою, иначе нас грохнут! — истерично прокричал Джон дрожащим и несвойственным ему высоким голосом и, чуть помедлив, всё же не выдержал, оставив упирающуюся Ким на произвол судьбы, он бросился вслед за Лео — спасаться.

Обезумевшая от потери таким вот ужасным образом своего будущего мужа, Ким действовала неадекватно и не соображала, что же происходит, но, будучи натурой рациональной, это «помешательство» длилось у неё не очень долго. Да и взвинтилась Ким, если уж судить объективно, от собственного бессилия и незаслуженного удара судьбы. Но, видя стремительно приближающихся странных людей с оружием и улепётывающих что есть сил «товарищей», она быстро осознала ситуацию и бросилась наутёк.

Люди, работающие в порту, заметили Тони раньше, чем Рик. Слишком уж он увлёкся рассматриванием содержимого контейнеров. Тони уже вбежал на территорию порта, когда Рик в бинокль засёк товарища и тут же заорал во весь голос:

— Не-е-е-т! Тони! Не-е-е-т!

Естественно, что Тони не мог его услышать на таком расстоянии. Рик, несмотря на обрушившуюся на него страшную информацию, это осознавал и прокричал попросту инстинктивно. Он тут же бросился вниз по крутому, каменистому склону горы.

Поначалу ему удавалось мчаться вниз, при этом сохраняя равновесие, но вскоре, наступив на очередной камень (коих было на его пути великое множество), а смотреть под ноги означало терять драгоценное время, астронавт не устоял и, упав, покатился по склону.

Тони, запыхавшийся, едва выговаривая слова приветствия, повторяя одну и ту же фразу, словно попугай, шёл к каннибалам с открытой искренней улыбкой, сияя от счастья предстоящей долгожданной встречи с землянами. Тони заговорил ещё издали, и, хотя люди не могли его услышать на таком расстоянии, несказанно обрадовавшийся астронавт не осознавал этого. Тони не сомневался, что теперь-то его быстро доставят на материк! Только он должен упросить людей помочь ему, рассказать о болезни матери, о многолетнем полёте.

— Я — астронавт. Мы совершили аварийную посадку на вашем острове. Наш космический корабль был отправлен с Земли в долгосрочный полёт пятьдесят лет тому назад. У моей мамы рак, её заморозили перед моим отлётом, и мне нужно срочно попасть на материк! Скажите, какой из кораблей следует на материк?! Или можно добраться на самолёте? Помогите мне, пожалуйста, я очень, очень спешу! — скороговоркой, запинаясь от обуявших его чувств и нахлынувшего волнения, сообщил Тони людям. — Могу ли я связаться с космодромом К-4 или с космической академией имени...

Тони запнулся, видя, что группа людей, которым он изливал свои проблемы, настроена по отношению к нему отнюдь не доброжелательно, а скорее враждебно. Люди цинично разглядывали его с головы до ног, словно астронавт являлся вещью или предметом торговли.

Помимо того, что эти странные люди в белых комбинезонах были вооружены. Вооружены непривычным, невиданным ранее астронавтом (но это и естественно, прошло всё же пятьдесят лет) странной формы оружием, сделанным из блестящего, ослепительно отражающего яркий свет солнца металла.

В глазах людей Тони уловил злобу, но понять, в чём дело, он так и не успел. Один из людей наставил на него своё оружие. Астронавт попытался задать естественный в его положении вопрос, выяснить, почему такое отношение к его персоне, но успел лишь только открыть рот.

Из дула оружия мгновенно вырвался мощный ярко-голубой луч света и, тут же достигнув растерянного астронавта, за считанные доли секунды обволок всю его фигуру световой окантовкой. Вконец обескураженный таким «гостеприимством», Тони попытался заговорить, но теперь, увы, не мог сделать ни одного, даже микроскопического движения.

Губы мужчины вмиг одеревенели, не могли пошевелиться, и как Тони самоотверженно ни старался, к своему ужасу, начиная осознать, что дела его плохи, он ничего не смог поделать. Таинственный свет парализовал его, он стоял с открытым ртом и не мог даже моргнуть. Единственное, что он мог — дышать, но грудь его практически не поднималась, и астронавт не мог понять, почему он, находясь в состоянии, в котором даже не может моргнуть, дышит, и каким образом эта функция в его организме работала.

«Застывший» наивный мужчина стоял перед каннибалами всё ещё с улыбкой на лице. Человек с оружием подал знак одному из людей, и тот быстро извлёк из кобуры на своём поясе длинный блестящий изогнутый нож, если это чудище смерти можно так назвать. Нож зловеще блеснул на солнце.

Бедняга Тони мгновенно понял уготовленную ему участь. Но, несмотря на то, что страх обуял его, в былые времена при таком испуге он бы покрылся холодным потом, сейчас же, благодаря этой «заморозке» странным голубым светом, он даже не смог вспотеть.

Тони было очень страшно, но ни один мускул на его лице не дрогнул и не мог бы дрогнуть при всём желании мужчины, и всё из-за этого луча, так похожего на лазерный луч. Лазерное оружие так действовать не могло, Тони не только видел всякие виды такого оружия в детстве в фантастических фильмах про звёздные войны, но и как астронавт имел табельное лазерное оружие, но, увы, на свою беду, он его оставил на корабле. Очевидно, это загадочное оружие изобрели уже после их отлёта.

Человек, держащий голубой свет на Тони, хладнокровно нажал какую-то кнопку на рукоятке оружия. Свет на секунду исчез, но астронавт даже не успел ничего сказать, а тем более сделать. В считанные секунды каннибал с ножом вступил в действие. В одно мгновение голова Тони отделилась от плеч, будто его шея была сделана из пластилина. Двое стоящих рядом людей тотчас подхватили падающее тело астронавта, а тот, что срезал ему голову, ловко подхватил голову несчастного за волосы.

Рику удалось приостановить своё падение, зацепившись за большой камень. И, остановившись, он тотчас же взглянул в бинокль (благо противоударный) и стал свидетелем кошмарной сцены.

Люди в белом забросили тело и голову несчастного Тони в длинный прозрачный овальный сосуд, напоминающий капсулу. Эта капсула была оборудована какими-то пластиковыми трубками, шлангами, проводками и пультом с множеством кнопок и маленьким экраном.

К телу и голове Тони пристроили проводки и шланги. Затем человек (Рик сразу же понял, что он тут главный — по количеству нашивок на униформе и властности) отдал распоряжение двум киборгам, и они с помощью подъёмника водрузили этот сосуд на самоход, которым тоже управлял киборг. Причём этим напичканным всевозможными компьютеризированными штучками самоходом управляли как сидя за рулём (тоже несколько непривычным по форме для вернувшегося астронавта), так и с помощью пульта.

Рик отчётливо видел, как кровь убитого товарища стекает в какие-то прозрачные ёмкости, пристроенные по бокам этой наводящей ужас капсулы. Всегда хладнокровный Рик был ошеломлён и не мог никак решить, что же ему предпринять, ведь Тони спасти уже было невозможно.

Привыкший ко всему солдат, астронавт, суперчеловек находился не в шоке. Это теперешнее его состояние было сильнее, нежели просто шок. Он не в силах был разобраться, куда же он попал. Но так как до территории порта осталось рукой подать, Рик решил продолжить спуск и стал осторожно спускаться, идя боком (то есть притормаживая) и по возможности прячась за редкими камнями.

Когда так и не решивший, что же он будет делать, суперчеловек уже бесшумно, как ниндзя, крался по территории порта и смог незамеченным приблизиться к преступникам (как он

склонен был думать), разыгравшийся здесь на побережье ветер едва слышно донёс до него голос одного из каннибалов:

— Его я покупаю, себе свежати́на будет на обед.

Видимо, это была обычная для этих странных людей фраза, потому что вслед за ней послышались возгласы согласия. Но этот обыденный голос одного из этих странных людей подтолкнул Рика к действию. Спокойный голос, от которого у абсолютно здорового суперчеловека участился пульс.

От осознания страшной реальности Рiku пришлось «заставить» себя мыслить адекватно ситуации. Прячась на платформе между контейнерами с грузом, астронавт уже не спонтанно (как там, на горе), а взвешенно строил план действий. Увы, он знал, что ему следовало поспешить, так как его в любой момент могли обнаружить.

На его счастье, его окружали не только прозрачные контейнеры (сквозь которые хорошо просматривались человеческие головы, руки, ноги и туловища, разрубленные на куски), но и с десятков массивных металлических, неизвестно что хранящих в себе (очевидно, предназначенные для более «тайного» груза) контейнеров. Вот только времени, так необходимого ему сейчас для принятия правильного решения, у него было мало.

Единственное, что понимал Рик, это то, что никакой миссии возмездия за товарища он сейчас совершить не может, слишком неравны силы. Хотя астронавт не видел всего произошедшего, не видел оружие этих людей в действии, он не сомневался, что его вооружение на фоне вооружения этих людей просто древнее. Но и вернуться назад незамеченным было весьма и весьма сложно, его могли легко заметить, ведь теперь каннибалы не были «поглощены» Тони.

В такую критическую ситуацию — не учебную, а реальную — Рик ещё никогда не попадал, и теперь, как он ни старался напрягать свой «усовершенствованный» мозг, он никак не мог ничего придумать дельного.

Таким образом, мы наглядно видим, к чему приводит спешка! Даже в такой страшной, критической ситуации, в которую попал наш герой, надо мыслить взвешенно, чтобы не наде- лать глупостей, не совершить тех действий, которые усугубят обстановку и принесут проблемы, увы, порой неразрешимые и влекущие за собой лишь новые трудности.

Глава 13

«Я не кисейная барышня. Я играл в хоккей, пока не лишился половины зубов. Я сражался на теннисных кортах... но то, что я увидел на бойне потрясло меня. Выйдя оттуда, я уже твердо знал, что не причиню никакого зла ни одному животному! Я уже раньше был знаком с экономическими, экологическими и психологическими доводами в защиту вегетарианства, но этот непосредственный опыт, открывший мне всю жестокость, проявляемую человеком по отношению к животным, стал прочной основой моего вегетарианства».

Питер Бурваши, экс-чемпион мира по теннису

Ким, несмотря на её отличную физическую подготовку, первой поймали преследователи. Астронавтка превосходно владела каратэ, но это ей помогло лишь на время. После того как женщина расшвыряла пятерых нападавших, причём одного вырубил, к ней был применён голубой, таинственный луч. Но резать её не стали. Знаками показав друг другу, что делать, каннибал, держащий женщину на луже, на мгновение отвёл луч, и тотчас стоящий рядом с астронавткой его сообщник вырубил Ким прикладом оружия. После чего двое мужчин поволокли женщину к ангару, а остальные продолжили преследование астронавтов, причём оставив вырубленного сотоварища и пару покалеченных решать свои проблемы самостоятельно.

Это видел постоянно оглядывающийся назад Джон, но не смог бы себя заставить броситься на помощь коллеги, ни за что на свете. Кстати, вернуться назад ему всё же пришлось. Его весьма быстро догнали (бегуном Джон был плохим) и смогли лишить сознания врукопашную. Увы, от страха Джон дрался хуже, чем мог бы. Таким образом, его постигла такая же участь, что и Ким.

Лео улепётывал весьма сносно. Он хоть и был лентяем, но от природы хорошо бежал. Оглянувшись в очередной раз назад и видя, что преследователи стремительно приближаются, а до леса, куда он держал путь, ещё далеко, повернул и побежал перпендикулярно лесу к местности, на которой начинались холмы, а за ними и гряда невысоких гор. Лео наивно надеялся, что сможет дотянуть до гор или, в крайнем случае, спрятаться среди холмов.

Выдохшийся и непроизвольно снизивший темп, Лео всё же добежал до холмов. Когда, тяжело дыша, он оглянулся назад и, к своему ужасу, увидел, что люди в белом отставали от него лишь метров на двести, не больше. От обуявшего его страха у Лео открылось второе дыхание, и он припустил что есть мочи, хотя и уже хватал ртом воздух.

Что делает с людьми страх?! Одних он уничтожает, другим придаёт сил. Вот и Лео смог-таки удержать высокий темп. Видя, что среди холмов ему не укрыться, каким-то чудом умудряясь сохранять расстояние между собой и преследователями, добежать до столь желанных гор. Падая, передвигаясь буквально на четвереньках, обдирая себе руки в кровь, он стал карабкаться на одну из них. Благо, на его счастье, склон горы был весьма пологим. Ноги астронавта от усталости словно налились свинцом, пот катился градом по его лицу, сердце бешено колотилось, от быстрого бега на пределе своих возможностей появилась боль в солнечном сплетении, он хватал ртом воздух, словно несчастная рыба, выброшенная на берег, но упорно продолжал путь к вершине горы, наивно надеясь на спасение.

Между тем супруги Джорден и Керли добрались до океана. Раскинувшийся до бескрайнего горизонта океан оказался вовсе не таким, каким они его ожидали увидеть здесь, на острове, незатронутым массивированной промышленностью.

Океан предстал перед ними в этот залитый солнечным, жизнеутверждающим светом день тускло-серым и мрачным, с имеющим мутный, грязноватый цвет водой. Хотя ярко светило солнце и, по идее, вода океана должна была быть голубоватой или зеленоватой. Но Джорден и

Керли не обратили внимания на столь странный, даже страшный вид океана — они обрадовались океану, веря, что на его берегу непременно встретят людей.

Роттэн и его сподручники шли по долине по направлению к лесу в поисках новой добычи. Их лица были суровы, а глаза горели злобным охотничьим огнём, жаждая убийств и крови.

Здесь всех проживающих людей на острове, в принципе, можно было именовать охотниками, так как они постоянно убивали. Что такое охотник на людей, убийца поневоле или по своей воле?! Как бы то ни было, человек, убивающий живое существо, будь то добытчик наёмный или охотник по своему выбору, всё равно является убийцей, ведь он, по сути, совершенно ничем не отличается от убийцы-преступника.

Джорден и Керли спустились к океану и пошли по берегу в надежде набрести на людей. Но вскоре Керли не выдержала и бросилась вперёд. Джорден пустился её догонять. Он быстро настиг возлюбленную, с ходу обнял её, и они вместе, смеясь, упали на серый песок берега.

— Джорден! Согласись, как же это здорово! — воскликнула радостно Керли. — Как я рада, что мы снова на Земле!

— А ты что — не веришь этому?! — рассмеялся Джорден, глядя на Керли влюблёнными глазами. — Мы во сне с тобой гуляем, да?! Постой, я ещё не ощутил земной воды. Я мигом, а затем мы продолжим идти вдоль берега. Так мы найдём людей быстрее. Не думаю, что остались на Земле необитаемые острова!

Он заговорщически подмигнул Керли, мгновенно вскочил и, стремглав бросившись к океану, вбежал в него.

Роттэн и его команда вышли к поляне, окружённой высокими деревьями, в центре которой находился космический корабль. Грозная техника и цивилизация пятидесятилетней давности выглядела внешне непострадавшей при столь напряжённой посадке.

Роттэн, увидев корабль, тотчас подал знак своим людям, и они в одно мгновение спрятались за деревьями. Недалеко от корабля людоеды заметили командира Чарли, застывшего у дерева. Прислонившись ухом к твёрдой коре живого организма, он слушал, как текут внутри соки, дарующие дереву жизнь. Командир, погружённый в воспоминания, с замиранием сердца слушал биение жизни, земной жизни.

Ким очухалась лишь в ангаре. Её, уже с наручниками на руках и кандалами на ногах, зачем-то удерживали в стоячем положении двое мужчин в белых комбинезонах из числа её преследователей. Голова женщины гудела и туго соображала, но то, что она увидела, привело её в шок, и чуждый ей ранее неопиcуемый страх за собственную жизнь завладел ею, да так, что она сама себе стала противна. А ведь это так страшно и горько, когда человек сам себе противен!

Слева от Ким находились блестящие металлические полки от самого пола до потолка, сплошь заваленные расчленёнными человеческими телами. По правую сторону от себя женщина увидела большой конвейер, режущий огромным широким ножом-автоматом человеческие тела на куски, подающиеся по чёрной ленте, зловеще ползущей, словно огромная анаконда. Нож-автомат с противным скрежетом, наводя на Ким панический ужас, раз за разом падал на чёрную ленту, расчленяя человеческие тела.

И вдруг астронавка узнала в очередном теле на конвейере своего коллегу — Билли. Тело астронавта медленно продвигалось к беспрерывно работающему ножу-автомату, так похожему на древнюю гильотину. От увиденного, невероятно ужасного кошмара, Ким вмиг покрылась холодным потом, она, не веря своим глазам, не могла оторвать взгляда от мёртвого Билли. Всё происходило в реальности и закончилось неизбежным, слишком быстро, но, как показалось астронавке, прошла целая вечность, и её воспалённое ужасом сознание успело пронести перед ней всю её жизнь, особенно ярко акцентируя моменты их совместной работы с Билли.

Из-под ножа-автомата выкатилась отчленённая от туловища голова Билли. Нож-автомат монотонно продолжал своё зловещее дело, и Ким, не выдержав, истерично закричала, с обуюв-

шей её безумной силой пытаясь вырваться из цепких рук захватчиков. Но женщину крепко держали двое мужчин, так что попытки высвободиться были тщетны. На пронзительный крик астронавтки каннибалы ответили раздражёнными, озлобленными криками, ругая жертву и зовя своих коллег.

Тотчас в цеху по переработке мясной продукции появились ещё люди в униформе, но коричневой, и, подойдя к Ким, принялись бесцеремонно, грубо срывать с несчастной одежду, при этом глумясь над женщиной, унижая её, лапая, но не производя никакого сексуального насилия. Кончились унижительные мучения Ким точно так же, как и жизнь Билли, с одной лишь разницей, что кровь из её сонной артерии людоеды собрали в прозрачную посудину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.